

Станислав ФЕДотов

АМУР. ЛИЦОМ К ЛИЦУ
ДОРОГА В 1000 ЛМ

Новый исторический роман

Станислав Федотов

**Амур. Лицом к лицу.
Дорога в 1000 ли**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Федотов С. П.

Амур. Лицом к лицу. Дорога в 1000 ли / С. П. Федотов —
«Издательство АСТ», 2023 — (Новый исторический роман)

ISBN 978-5-17-160116-4

Историческая судьба свела лицом к лицу на Амуре два великих государства, Россию и Китай, два великих народа, и с той поры они пошли рядом, тесно бок о бок, как два соседа по бесконечной дороге жизни. Были между ними разногласия, даже ссоры и столкновения, были взаимопомощь и клятвы в вечной дружбе – всё, как бывает у соседей. И жители этих стран вольно или невольно повторяли и повторяют в своей жизни их отношения. Истории двух семейств, двух родов – русского казака Саяпина и китайского сапожника Ван Сюймина – как в зеркале, отражают этот тернистый совместный путь: здесь есть место и любви, и ненависти, и порою неизвестно, чего больше и куда выведут эти взаимные чувства.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-160116-4

© Федотов С. П., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

1	6
2	10
3	15
4	19
5	23
6	26
7	28
8	32
9	35
10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Станислав Петрович Федотов

Амур. Лицом к лицу. Дорога в 1000 ли

Прежде, чем кого-то осудить, надень его обувь, пройди его путь, споткнись о каждый камень, который лежал на его дороге, прочувствуй его боль, попробуй его слёзы... И только после этого расскажи ему, как нужно жить!

Кун-цзы

*Лицом к лицу – лица не увидеть:
Большое видится на расстоянии...*

Сергей Есенин

Дорога в 1000 ли начинается с первого шага.

Кун-цзы

© Станислав Федотов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

1

Телефонный звонок в одиннадцать часов утра оторвал Николая Александровича от приятного занятия – чтения своего тайного дневника. Он как раз переживал описание знакомства с «маленькой К.» – так он зашифровал свою юношескую любовь. Романтические отношения с ней формально закончились после помолвки с Алисой Гессенской, однако нечастые встречи, пусть теперь и без близости, доставляли ему эстетическое удовольствие. Свои чувства по поводу этих встреч он и доверял дневнику, который, как он полагал, если и будет открыт сторонним читателем, то никак не раньше, чем через сто лет, а тогда ни матушки, вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, ни Аликс, ни его самого на этом свете уже не будет...

– Государь, доброе утро. Необходимо срочно обсудить очень важный вопрос.

Как всегда, без соблюдения придворного этикета. Можно сказать, неотёсанно и даже грубо. На плохом французском языке. Впрочем, Витте и на русском изъясняется, как железнодорожный кондуктор, из среды которых когда-то вышел.

– Если мне не изменяет память, Сергей Юльевич, ваши вопросы всегда очень важные.

– Этот – из категории особо важных.

– Какой же?

– Могу сказать только с глазу на глаз. Я не доверяю телефону.

– С глазу на глаз – то есть мы с вами?

– Нет, государь. Следует пригласить министров – военного и иностранных дел.

– Кажется, Витте, я догадываюсь, о чём пойдёт речь. Хорошо. В три часа пополудни в Зимнем. Министров прошу пригласить от моего имени.

– Спасибо, ваше величество.

Николай Александрович повесил трубку, дал отбой и откинулся на спинку кресла. Чёрт бы побрал этого министра финансов! Бесцеремонно звонит, когда ему вздумается, ломает все планы... Правда, особых планов на день сегодня нет, но всё равно раздражает.

Планы были только на вечер.

Николай Александрович мечтательно улыбнулся: сегодня бенефис прелестной Панни, как он ещё называл «маленькую К.». Собственно, ей бенефис не полагался: она проработала всего десять лет, а для бенефиса требовалось двадцать, однако император выразил такое желание, и дирекция императорских театров не посмела отказать. Петипа поставил для неё «Времена года» Александра Глазунова. Надо заказать цветы. Для старика, кстати, – тоже. Столько лет, а он всё работает и работает, прекрасную, между прочим, музыку пишет...

Возникшее было хорошее настроение опять перебила мысль о звонке.

Николай Александрович не любил своего министра финансов. За его невоспитанность, плохой французский, за прямолинейность и резкость в суждениях, за упорство в отстаивании своего мнения и вообще за то, что смеет иметь это самое своё мнение. Даже за его большой рост и громоздкость, особенно заметные в тех случаях, когда министр оказывался рядом с императором. И что в нём батюшка нашёл, кроме этих габаритов?! Николай Александрович с превеликим удовольствием отправил бы строптивного министра финансов в отставку. Но... как же без него? Ведь, если по-честному, он, государь, за четыре года как-то привык, что на нём, единственном среди министров, вся Россия держится. Приходится терпеть.

Ровно в три часа пополудни Николай Александрович вошёл в рабочий кабинет. Подтянутый, стройный и – холодно-строгий. Таким, по его мнению, должен быть самодержавный правитель, а иначе как самодержавным он себя не мнил.

Сидевшие за столом для заседаний министры встали при его появлении и наклонили головы в знак приветствия.

Император ответил тем же и жестом руки предложил садиться. Сел и сам, быстрым взглядом скользнул по лицам.

– Не вижу Муравьёва.

Вскочил товарищ министра иностранных дел Ламсдорф, повадками и остроконечными усиками похожий на хитрого кота.

– Господин министр болен, государь. Просил его извинить.

«Болен, – внутренне усмехнулся император, – известно, чем он болен. Лентяй и гуляка. Все дела свалил на своего заместителя, а сам пьян или где-нибудь с цыганами и девицами гуляет. Ну да бог с ним, Ламсдорф справляется...»

Товарищ министра стоял в ожидании. На лице императора не дрогнула ни одна чёрточка. Он небрежно шевельнул рукой:

– Садитесь, Владимир Николаевич. Обойдёмся без него. – И продолжил так же, без эмоций: – Господа, мы собрались по весьма важному делу. Сергей Юльевич доложит о нём.

Витте встал. В шитом золотом мундире ему было тесно и неудобно – он привык к сюртуку, как хаживал на заседания при прежнем государе, – однако Николай Александрович брал пример с деда, Александра Освободителя, и требовал ношения мундира при делах с участием императора. Оспаривать это не решился даже он, влиятельнейший министр. Поэтому с трудом, но встал и раскрыл кожаную папку. Начал без церемоний и предисловий, с паузами, словно с трудом подбирая слова.

– Ваше величество, господа! Как известно... с позапрошлого года в восточной и северо-восточной части Китая развивается мятеж... восстание крестьян, ремесленников, безработных и прочей бродячей шушеры... вроде дезертиров. Началось, как обычно, – против власти, однако очень быстро кем-то было направлено против иностранцев, которые строят в Китае заводы, фабрики, железные дороги и тому подобное. И при этом они выступают якобы в защиту своей культуры и религии... против христианских церквей, миссий, в том числе православных. Эти их действия сопровождаются зверствами и убийствами. Они называют своё движение... – Витте остановился и заглянул в папку, – называют ихэтуань, что означает «отряды во имя мира и справедливости». А ещё их зовут боксёрами или большими кулаками, потому что на знамени у них изображён большой кулак.

Витте перевёл дыхание – очень уж длинный получился монолог – и оглядел присутствующих.

Император сидел с абсолютно невозмутимым видом, как будто всё озвученное его совершенно не касалось, хотя отлично знал, что Посольский квартал в Пекине, куда скрылись все дипломаты и христиане-китайцы, осаждён повстанцами; что вице-адмирал Алексеев, глава арендуемой у Китая Квантунской области, по его указанию не единожды направлял русских солдат и матросов для противодействия повстанцам – и в Пекине, и на Южной линии Китайско-Восточной железной дороги, где уже наблюдались нападения на станции. И вообще, он знал всё обо всём, по крайней мере, из газет, с чтения которых начинался его рабочий день. В первую очередь из иностранных: в них, по мнению императора, было меньше словоблудия. Сергей Юльевич, наоборот, полагал, что иностранные врут напропалую, но, при всей своей прямолинейности, на эту тему не высказывался: России это не вредит – и ладно.

Военный министр генерал-лейтенант Куропаткин при всех регалиях – а у него на мундире места нет свободного от орденов и медалей – был возбуждённо-весел и всё время ёрзал, словно что-то мешало сидеть спокойно. Медали при этом неприлично звякали.

Ламсдорф тоже не выглядел спокойным: посматривал с хитрецей – то на государя императора, то на Витте, то на Куропаткина, как будто ему не терпелось рассказать нечто интересное.

– До сего времени, – продолжил Сергей Юльевич уже более спокойно, как будто преодолел некий барьер, – боксёры нам особых хлопот не доставляли. У нас хорошие договоры с

цинским правительством и по КВЖД, и по аренде Квантунской области, и Россия даже могла бы помочь императору Гуансюю в разгроме восставших, но в последние дни ситуация резко изменилась. Вдовствующая императрица Цыси отстранила Гуансюя от власти и собирается назначить премьером своего племянника Дуан-вана, ярого сторонника боксёров. Правительственные войска уже не сражаются с повстанцами, а нередко помогают им, и это становится серьёзнейшей угрозой для строителей КВЖД, для имущества и построенных участков дороги. Надо предпринимать энергичные меры.

– Что сообщает главный инженер дороги? – спросил император.

– Как ни странно, Югович уверяет, что всё спокойно, что цзянь-цзюни – губернаторы провинций – заверяют о лояльности к русским и гарантируют их безопасность, однако стало известно, что идёт мобилизация войск и раздача оружия мятежникам. Наша Охранная стража насчитывает около пяти тысяч человек. На две с половиной тысячи вёрст дороги этого количества катастрофически мало. Я предлагаю срочно сформировать из военных запасных и отпускников, а также из состава казачьих войск Дона, Кубани, Терека, Забайкалья и Амура ещё не менее пяти тысяч добровольцев и отправить в Сунгари¹, в распоряжение главы Охранной стражи генерал-майора Гернгросса.

– У вас всё? – спросил император.

– Всё, государь.

– Садитесь. Господа, прошу высказаться. Владимир Николаевич?

Ламсдорф вскочил:

– Ваше величество, последние пятьдесят лет Россия неудержимо стремится на восток. Это её историческая миссия – цивилизовать дикие земли, нести им блага прогресса, а кроме того...

– Владимир Николаевич, – укоризненно поморщился император, – вы бы ещё начали от сотворения мира. Ближе к делу.

– Посланник Гирс чуть не ежедневно шлёт телеграммы, – мгновенно переключился Ламсдорф, – требует военного вмешательства. Министерство иностранных дел поддерживает. Да, договор о концессии запрещает вводить войска в зону отчуждения КВЖД, но у нас есть секретный договор с цинским правительством о военной помощи.

– Императрица издала указ о поддержке повстанцев, – напомнил Витте.

– Но не разорвала секретный акт. Она лавирует. Боксёры ей нужны, чтобы их кулаки умерили вмешательство иностранцев в традиционную жизнь Китая, а когда они выполняют эту задачу...

– Она с ними не справится, – перебил Витте.

– Достаточно споров, господа, – прервал император и обратился к Куропаткину: – Ваше мнение, Алексей Николаевич?

Генерал поднялся, звякнув медалями.

– Ваше величество, войска в Маньчжурию следует ввести немедленно. Как в своё время в Бухару и Коканд. Момент сейчас как никогда подходящий. Климат там, конечно, не такой, как в Средней Азии, но и у них можно создать вторую Бухару.

А он по-своему прав, подумал Витте. Имеет опыт. За восемь лет, пока был начальником Закаспийской области, она просто преобразилась, из разбойничьего захолустья превратилась в цветущий край с прекрасным сельским хозяйством и торговлей. Солдафон, конечно, однако замечательно умеет договариваться с аборигенами. Глядишь, и Маньчжурию цивилизует. Но главное, конечно, торговля с богатым юго-востоком, железная дорога и незамерзающие порты...

¹ Сунгари – первоначальное название Харбина. Название Харбин город получил в 1901 году, после Китайского похода.

От размышлений его отвлёк звон колокольчика: император вызвал секретаря. Тот появился мгновенно с раскрытым для записи блокнотом.

– Подготовьте следующие распоряжения, – голос монарха оставался ровным и поэтому казался равнодушным. – Первое: Охранную стражу КВЖД увеличить на шесть тысяч человек. Срочно. Исполнение возложить на военного министра. Второе: с 11 июня объявить частичную мобилизацию в Приамурском военном округе и быть готовыми ко всяким военным неожиданностям. Исполнение возложить на генерал-губернатора Приамурья. Третье: в согласии с договором о военной помощи Китаю оказать таковую в подавлении восстания ихэтуаней, не допуская разрушения всего построенного на КВЖД. Исполнение возложить на начальника Квантунской области. Четвёртое: при ведении военных действий мирному китайскому населению не чинить ничего противоправного, а если таковое случится, строжайшим образом наказывать и виновного, и его командира. Ответственность возложить на военного министра и командование соответствующих воинских частей. – Император помолчал и добавил: – Официально войска пока вводить не будем. Благодарю вас, господи.

А сам подумал: вот и славно, уложились, как раз успею в театр. И ещё мелькнула мысль, параллельно, – об исторической миссии России на Востоке. А ведь верно: после провала в Крымской войне и неудач на Балканах остался один путь – на Дальний Восток. Там-то нас останавливать некому – не карликовой же Японии!

2

Военный губернатор Амурской области генерал-лейтенант Константин Николаевич Грибский стоял у распахнутого окна своего рабочего кабинета и смотрел на китайский берег Амура, на серые на зелёном летнем фоне мазанки Сахалина, малого городка напротив Благовещенска.

У дверей кабинета маялся навтыяжку дежурный офицер личной канцелярии губернатора. Полчаса назад он принёс генералу письмо от главного начальника Охранной стражи строящейся Китайско-Восточной железной дороги генерал-майора Гернгросса и теперь ожидал дальнейших распоряжений. В руках держал наготове кожаную папку с письменными принадлежностями.

Было тихое утро субботы, 9 июня 1900 года; жаркое солнце наполняло кабинет золотым светом; из соседнего городского парка долетали разноголосые птичьи трели; по широкой реке сновали китайские торговые джонки и русские рыбацкие лодки; неподалёку, возле пристани, гуднул пароход...

Мир и спокойствие.

Благодать.

Век бы так наслаждаться!

Но генералу было не до наслаждения. Он не мог прийти в себя от прочитанного. Конечно, он знал из кратких сообщений Российского телеграфного агентства, публикуемых в «Амурской газете», о бушующем в Китае восстании, но о том, что оно может быть направлено против русских, ему как-то и в голову не приходило. Почти пятьдесят лет после подписания Айгунского трактата, вернувшего России левобережье Амура, сорок лет после утверждения Пекинского договора, передавшего русским земли Приморья, прошли в полном спокойствии. Да, он как человек военный и в какой-то мере политик понимал, что Россия точно так же, как Англия, Франция, как Северо-Американские Соединённые Штаты, воспользовалась положением Цинской империи, поставленной на колени европейцами: взяла в аренду половину Ляодунского полуострова с двумя великолепными портами, а потом вынудила согласиться на концессию по строительству КВЖД от Забайкалья к Владивостоку с Южной веткой от Сунгари на Порт-Артур и Дальний. Всё это так, но Россия никогда не грабила своего южного соседа, как это беззастенчиво делают европейские державы и та же Япония. Не унижала население. Ну боролась в меру сил с контрабандистами, с набегами шаек хунхузов, так кто с этим не борется? А тут на тебе – ихэтуани! Отряды во имя гармонии и справедливости! Большие кулаки!

Ничего себе гармония и справедливость! Грибский заглянул в письмо, хотя и так помнил, что там написано: «...свирепствуют вокруг Пекина и продвигаются на север, громя всё на своём пути... В Бэйгуане сожжена русская православная миссия, священник, слава богу, бежал...» Далее генерал-майор сетовал, что не может обеспечить полноценную охрану строительства КВЖД, поскольку стражников не хватает. И в конце просил послать добровольцев-казаков в Сунгари, чтобы помочь охране на Южной ветке дороги, где положение становится угрожающим.

Дежурный осторожно кашлянул. Грибский оглянулся, потом скользнул взглядом по стоящим в углу большим напольным часам и неприятно удивился:

– Что же вы, дорогой мой, молчите? А дело стоит! Почти час стоит! Пригласите ко мне к двенадцати часам сотника Первого конного полка Саяпина. Он живёт на улице Северной, возле Китайского квартала. – Офицер кивнул, мол, знаю. – А на три пополудни – полицеймейстера и коменданта города. Исполняйте!

...Наказной атаман Амурского казачьего войска принял сотника по походному разряду: в тёмно-зеленом мундире с генеральскими погонами, без звёзд и медалей, но с рубиновым крестом ордена Святого Владимира, обязательным для ношения. Жестом пригласил сесть к столу для заседаний и сам занял стул напротив. Помолчал, постукивая пальцами по гладкой столешнице. Саяпин – в чекмене тёмно-зелёного сукна с серебряными погонами сотника, украшенными витиеватой буквой «А», без шашки, но с кинжалом на поясе, – ждал, прямо, без подбострастия, глядя в лицо главноначальствующего, омрачённое тягостными думами, чего не могла скрыть роскошная седая борода.

Так прошла, наверное, минута. Грибский словно очнулся, перестал стучать, огладил бороду двумя руками и кашлянул:

– У меня к вам, Фёдор Кузьмич, важное задание.

Саяпин склонил голову, внимая. Атаман со всеми офицерами войска обращался подчеркнуто вежливо: на вы и по имени-отчеству. Впрочем, может, не только с офицерами, а и со всеми, просто Фёдор об этом не знал. Но такое обращение ему нравилось.

А генерал после секундной паузы продолжил:

– О мятеже ихэтуаней вы, полагаю, знаете, хотя бы из «Амурской газеты».

– Так точно, – коротко ответил сотник.

– Есть серьёзная угроза строителям нашей железной дороги. К великому сожалению, руководство КВЖД относится к опасности весьма легкомысленно. Лишь глава Охранной стражи дороги обеспокоен малочисленностью охраны и обратился, в частности ко мне, за помощью. Без приказа генерал-губернатора и военного министра войска выделить я не могу, а вот послать отряд добровольцев-казаков – в моей власти. Правда, тоже неофициально, можно сказать, секретно. Так что, Фёдор Кузьмич, поручаю вам набрать полсотни добровольцев и отправиться в Сунгари, в Главный штаб Охранной стражи. Форма строго походная. Вопросы есть?

– Есть, ваше превосходительство.

– Давайте без чинов, мы не на параде.

– Слушаюсь. Вопрос один: почему такая секретность?

– По договору с Китаем Россия не имеет права держать на КВЖД регулярные войска. Поэтому в охране, – генерал усмехнулся, дескать, вы понимаете, – только добровольцы, то есть отставники, запасники, отпускники. Ваш отряд, подчёркиваю – добровольцев, временно войдёт в состав охраны, а попутно произведёт разведку вдоль дороги от Цицикара до Сунгари на предмет угрозы боксёров. Ну и на всякий случай хунхузов.

Сотник кивнул: о хунхузах в Приамурье знали все. Ещё те разбойники! В Маньчжурии их развелось великое множество. И через границу шастают, прииски грабят, скот угоняют. Хитрые, боёванные, беспощадные, одно слово – варнаки! И командиры у них – не гаврики баламошные². Бедноту, что голым-гола, не трогают, бывает, от чиновралов китайских защищают, за то укрытие от неё получают. Хунхуз – он ведь как: ружьё зарыл, коня расседлал – вот те и землешапец мирный...

– Фёдор Кузьмич, – постучал пальцами по столу генерал, – не отвлекайтесь. За сколько дней можете собрать отряд при условии, повторяю, секретности? Особенно от китайцев. Чтобы у них не было повода обвинить Россию в незаконном вводе войск на суверенную территорию.

– Три-четыре дня, ваше... то есть Константин Николаевич.

– Хорошо. Сегодня девятое. Тринадцатого к вечеру доложите о составе отряда, три дня на сборы, семнадцатого июня с рассветом выступаете. Вопросы есть?

– Есть. Ежели ехать без задержки, но с отдыхом и разведкой, надобно четыре-пять дней. Как быть с питанием? На домашнем...

² Баламошка – сумасброд (*амур.*).

– Только на домашнем, – прервал генерал. – Китайцев не беспокоить. Прогонные будут выданы. Извините, что остановил. Вижу, что не закончили. Слушаю.

– Восемнадцатого июня Апостольский пост зачнётся. А в дороге без мясного – худо.

– С настоятелем договоримся считать вас путешественниками. Им всё можно. Что-то ещё?

– Лишь одно: почему выбрали меня? Я ж в запасе.

– Я знаю, что в запасе вы второй год, но до того многожды проявляли себя по службе, особенно в поиске и уничтожении банд хунхузов. Вы неплохо понимаете китайский язык, и скажу по секрету, – генерал широко улыбнулся, отчего его седая борода разъехалась на две стороны, – именно вас просил назначить командиром весьма уважаемый мною человек.

– Небось генерал Гернгросс? – не удержался от нескромного вопроса Фёдор.

– Именно он, Александр Алексеевич.

– Звал он меня в Охранную стражу, но я не мог: служба.

– Зато теперь послужите у него. Ну или там, куда направит.

– Почту за честь, ваше превосходительство.

На чиновочитание Грибский поморщился, но ничего не сказал, махнул рукой:

– Идите!

После обеда губернатор принял благовещенского полицеймейстера Батаревича и коменданта города подполковника Орфёнова.

– Господа, я хочу знать о настроениях населения, – сказал он, усадив приглашённых, а сам опять отошёл к окну. Заметил, что лодок на реке прибавилось, и все что-то везут на ту сторону, а возвращаются пустые.

– Ваше превосходительство, – начал комендант, глядя в спину генерала, прикрытую тёмно-зелёным сукном полевого мундира; погоны генерал-лейтенанта плотно, не топорщась, лежали на широких плечах. – В городе, в целом, спокойно. Конечно, известия о событиях в Китае, публикуемые в «Амурской газете» господином Кирхнером, будоражат общественное мнение, но к ним за месяц привыкли, пресловутые боксёры от нас далеко, а посему город живёт обычной жизнью.

– Питейные и увеселительные заведения открыты, в парке гуляния... – добавил полицеймейстер, но добавление получилось какое-то нерешительное, как бы через силу, и губернатор мгновенно обратил на это внимание.

– Что-то неладно? – повернулся он к Батаревичу.

– Китайцы уходят из города, ваше превосходительство. Семьями, с пожитками. Одни на лодках и джонках, с кем договорятся, на свой берег. Другие – в Маньчжурский клин. Туда большей частью молодые, бессемейные.

Маньчжурским клином назывался большой район за устьем Зеи, населённый маньчжурами ещё с того времени, когда генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьёв и князь И Шань подписали Айгунский договор. По этому трактату жители левого берега напротив Айгуна, тогдашнего центра провинции Хэйлунцзян, не пожелавшие покинуть обжитые места, оставались подданными Цинской империи, а российские власти обязались не чинить им никакого ущемления в правах. Тогда маньчжур было около двух тысяч, и добавление к ним переселенцев с берега правого запрещалось, однако время шло, за исполнением трактата никто не следил, и численность бесконтрольно росла.

– Сколько же там сегодня не подчинённых нам маньчжур и китайцев?

– Боюсь ошибиться, ваше превосходительство, но, на мой взгляд, тысяч двадцать наберётся.

– Это что же выходит? Завезут туда из Айгуна оружие, и мы получим под боком целую враждебную армию?

– Получим, ваше превосходительство, – горестно качнул головой подполковник.

– И настроения в этой армии будут злобные, – продолжил полицеймейстер. – За последние дни случилось несколько стычек с китайцами. Вчера вечером, например, три молодых казака избili двух китайцев.

– За что?

– Китайцы заявили, что скоро будет война, что всем русским мужчинам они отрежут головы, а женщин заберут себе. После пытались пояснить, что это – шутка, но получили по первое число.

Кустистые брови генерала вскинулись вверх, а роскошная седая борода встопорщилась. Константин Николаевич пригладил её:

– Я, конечно, против притеснения китайцев и завтра же издам об этом распоряжение, но казаки поступили правильно: нельзя такое спускать, особенно в отношении женщин. Кто они такие?

– Рядовые первой сотни Первого полка Иван Саяпин и Илья Паршин, а также Павел Черных, грузчик с пристани, но казачьего сословия, Поярковой станицы.

– Казак и – грузчик? Почему не служит?

– Забракoван по причине природной хромоты.

– А где они все сейчас?

– Где ж им быть? В «холодной». Как и китайцы. Нарушили общественный порядок и должны отсидеть пять суток.

– М-да, закон есть закон. Хотя будь я на вашем месте, я бы ограничился для казаков двумя-тремя сутками. Разумеется, в соответствии с тяжестью содеянного.

Генерал отошёл от окна к своему креслу. Батаревич и Орфёнов вскочили.

– Благодарю вас, господа, и более не задерживаю.

Офицеры ушли.

Константин Николаевич сел за стол, придвинул стопку бумаг и начал, в который уже раз, перебирать и просматривать телеграммы Российского телеграфного агентства, связанные с событиями в Китае.

Странные дела творятся в мире твоём, Господи. Наверно, впервые в истории правительство помогает мятежникам. Вот, к примеру, телеграмма от 15 мая о разрушении станции на Пекино-Ханькоуской железной дороге, а вот – о сожжении резиденции бельгийских инженеров. Беднягам даже перекрыли пути к спасению, и неизвестно, сколько их там погибло. И там и там на стороне боксёров – регулярные войска империи. Да и про Бэйгуань Гернгросс писал.

Ох, аукнется Цинской империи такая поли тика!

А что в других сообщениях? Он разложил их веером на столе.

Боксёры разрушили железную дорогу между Пекином и Тяньцзином, разослали повсюду агитаторов, возбуждая население в свою поддержку. Народ озлоблен нищетой и безработицей и легко поддаётся внушению, верит даже самым нелепым выдумкам, вроде того, что русские с помощью КВЖД хотят захватить Маньчжурию.

6 июня атакованы несколько станций и разъездов строящейся Порт-Артурской линии; Охранная стража под командованием полковника Мищенко сумела отбить нападение.

7 июня боксёры начали артиллерийский обстрел Посольского квартала в Пекине, где укрылись все дипломаты с семьями и китайские христиане; погиб германский посол фон Кеттелер...

И всюду зверства, ужасающие даже видавших виды англичан, которые сами на чудовищные выдумки горазды. Как будто злые духи вырвались из подземелий и вселились в ещё недавно мирных людей. Боксёры режут женщин и детей, отрубают головы, выставляя их напоказ. И фотографируют свои злодеяния, будто хвастаются ими. А может, и верно – хвастаются?!

Константин Николаевич грустно усмехнулся: и при таких событиях правительство в Петербурге и руководство КВЖД в Сунгари делают вид, что всё нормально. Слепцы! Ах, какие же наверху у нас слепцы! И ходят слухи, что Куропаткин мечтает завоевать Китай! Кто его только ни завоёвывал – те же монголы, маньчжуры – Китай всех перемалывал и подминал под себя. Китаю незачем торопиться: у кого впереди – вечность, того не пугает сломанное в дороге колесо.

3

Вдовствующая Великая императрица Цыси ещё раз осмотрела себя в ростовом венецианском зеркале – всё ли в порядке с нарядом – и осталась довольна. У неё уже было более трёхсот платьев, накидок и жилеток – на каждый день года, все они хранились в отдельных коробках с соответствующими наборами украшений и аксессуаров, но ей хотелось новых и обязательно таких, каких нет ни у кого. Откуда у неё взялась такая тяга, причём с детских лет, – точно сказать не могла, хотя догадывалась. В семилетнем возрасте отец рассказал ей, будто русская императрица Елизавета имела полторы тысячи платьев.

– Зачем ей столько?! – поразилась девочка. Тогда её звали Син, что означало Удача. Она действительно из шестерых детей была самым удачным ребёнком – здоровым, подвижным, любознательным, и главное – очень умным.

Её семья была небогатой, но из старинного маньчжурского клана Нара; отец, его имя Хуэйчжэн, служил начальником отдела в министерстве по делам государственных служащих. Он рано заметил ум старшей дочери и очень любил беседовать с ней по вечерам после службы. Темы бесед были самые разные: и домашние, бытовые, и исторические – о том, как небольшое племя маньчжуров завоевало огромный Китай, и политические – об устройстве Цинской империи. Отец восхищался умением дочери красиво вышивать и делать выкройки одежды для всей семьи, а больше того – её расчётливой сообразительностью в ведении их скромного семейного хозяйства. Из слуг у них была лишь кухарка, а жена занималась младшими детьми. Поэтому Хуэйчжэн ничуть не удивился вопросу о платьях русской императрицы.

– Я думаю, она хотела быть неповторимой, – подумав, ответил он дочери.

– Но ведь сколько надо делать выкроек! Ей же некогда было заниматься государственными делами!

– Вряд ли она сама занималась выкройками, и платья ей шили самые знаменитые мастера. Она же была императрицей!

– Если бы я была императрицей, всё равно сама занималась бы своими нарядами. Это же так интересно – делать красиво!

Через девять лет ей предстояло явиться на смотр наложниц для императора и на какое-то мгновение привлечь внимание повелителя Поднебесной, тем самым определив свою судьбу: её записали в наложницы шестого, самого низкого, разряда под именем Лань, что означало Магнолия или Орхидея. Однако самое удивительное, что это одномоментное внимание определило дальнейшую судьбу всей империи.

Воистину дорога длиной в тысячу ли начинается с первого шага.

Цыси осталась довольна нарядом, но не рассталась с зеркалом – продолжала вглядываться в себя и беседовать с отцом. Он оставался рядом с ней все эти бесконечные сорок лет – время её власти.

– Папа, я красивая?

– Для меня – да, самая красивая. Но люди оценивают не твою красоту, а твои поступки.

– Разве я делала не то, что нужно? Ведь все мои поступки – ради величия Китая, ради того, чтобы он стал наравне с Европой и Америкой, наравне с Японией. Она же смогла с помощью Англии вырваться из Средневековья, стать современной державой. Почему у меня не получается?

– Подумай сама. Ты же умная! Вот сейчас ты собралась на заседание Верховного совета – что ты хочешь предложить? О чём ты думаешь?

– К сожалению, я думаю о предателях.

– Почему?! – искренне удивился отец.

– Потому что меня всегда предавали те, кому я доверяла.

– А только такие и предают. Другие – те, кому ты не доверяешь или до кого тебе вообще нет дела, – они тебе ничем не обязаны и просто действуют в своих интересах. И не их вина, если ваши интересы не совпадают. А кто тебя предавал?

– Ну ты же знаешь, я с тобой много раз делилась. Первый раз – Цыань и принцы Гун и Цунь, когда по их приказу казнили моего любимого евнуха Крошку Аня.

– Ты слишком ему потакала, он повёл себя недостойно и поставил под удар твою репутацию.

– Да, это так, но они действовали тайком, за моей спиной! И так жестоко!

– А ты бы согласилась с их решением?

– Нет, конечно!

– В том-то и дело. Ты влюбилась и потеряла контроль над собой.

– В конце-то концов я – женщина!

– Ошибаешься. Чтобы быть женщиной на вершине власти, эта власть должна быть абсолютной.

– Как у Екатерины Великой? – усмехнулась Цыси.

– Да. Все русские императрицы имели абсолютную власть и могли позволить себе быть женщинами. А у тебя слишком много ограничений. Одно из них проявилось в виде казни Крошки Аня. И скажи спасибо Цыань и Гуну: они тебя вернули на твое место.

– Моё место?!

– Да, место безупречного повелителя.

Цыси впервые подумала о случившемся тогда, в далёком – тридцать лет назад! – году, события с позиции безупречного повелителя, и ей вдруг стало стыдно за своё недоверие к самым, пожалуй, надёжным единомышленникам. Которые были рядом, с первых шагов на длинном пути преобразования Китая.

Наложница Лань, возможно, осталась бы на уровне шестого разряда, если бы не императрица Чжэнь, которой она помогла, когда та случайно оступилась и едва не сломала ногу. Чжэнь уговорила императора поднять Лань на разряд выше, а потом и вовсе оказала неоценимую услугу: она сама не могла рожать и предложила мужу Лань вместо себя.

25 апреля 1856 года наложница родила сына, которого назвали Цзайчунем. Император Сяньфэн был безмерно рад появлению наследника и лично написал по этому поводу специальный указ красными чернилами. Благодаря этому Лань получила почётное имя И, превратившись во вторую по разряду женщину после императрицы. Хотя по-прежнему оставалась наложницей.

Вспомнив это переломное в её жизни событие, Цыси горько усмехнулась. Злые языки, которых в Запретном городе, как назывался комплекс императорских дворцов в Пекине, всегда хватало, пытались приписать ей хитрую уловку: мол, ради власти она украла новорожденного ребёнка у другой наложницы, а саму мать убила. Как будто под неусыпным оком многочисленных евнухов можно было изобразить фальшивую беременность, а затем и роды.

Цзайчуня осыпали драгоценными подарками, император в сыне души не чаял. Ему наняли специальную кормилицу, а Цыси запретили кормить сына грудью.

Официальной матерью Цзайчуня считалась императрица Чжэнь, и она относилась к мальчику с любовью и нежностью, как настоящая мать, ничуть не ущемляя материнские права И. Так что у наследника были как бы две любящие мамы, хотя он почему-то проявлял большую привязанность к императрице. И ревновала, однако ни единым словом не выдавала свои чувства, так как отлично понимала, чем для неё может обернуться даже случайный взгляд.

Между тем она понемногу, казалось бы, по мелочам прибирала к рукам власть в Запретном городе. Император стал прислушиваться к её советам – пока что только в повседневной жизни, в государственных делах И имела свои взгляды, о которых предпочитала помалки-

вать. У императора обострились отношения с иностранцами – с англичанами и французами. Сяньфэн последовательно придерживался политики закрытых дверей, завещанной ему отцом, императором Даогуаном. Для торговли с иностранцами был открыт один лишь порт Кантон, но им, главным образом англичанам, этого было мало, и они развязали Вторую опиумную войну, в которой империя терпела поражение за поражением. И считала, что Китай должен развиваться по европейскому пути, что политика Сяньфэна губительна для империи; она надеялась, что её сын, став императором, пойдёт по этому пути.

Войска интервентов подступили к Пекину, и Сяньфэн бежал на север, за Великую китайскую стену, – там находился охотничий домик, по размерам превышающий Юаньминъюань, Старый Летний дворец, резиденцию императора, которую сожгли интервенты. Мысли И были охвачены одним: что и как нужно сделать, чтобы её сын Цзайчунь стал единовластным императором Китая. Судя по тому, что Сяньфэна в домик сопровождали восемь высших советников, которые все последние месяцы подсказывали императору поступки, вредившие империи больше, чем грабительские действия интервентов, И полагала, что они станут членами Совета регентов при малолетнем императоре. Они костями лягут, но не допустят её к власти, а потому стала готовить переворот. Для этого нужен был прочный союз с будущей вдовствующей императрицей Чжэнь и такой же официальный титул, как у неё. Нашлись ещё два влиятельных союзника – братья умирающего императора, великие князья Гун и Цунь. Гун был ровесником И, но успел проявить себя в государственных делах. По поручению царственного брата он убедил интервентов вывести их войска из Пекина в обмен на договор об открытии ещё нескольких портов.

Гун и Цунь не были ярыми поклонниками европеизации Китая, но они жаждали изменений и поддержали И. Императрицу Чжэнь И увлекла идеей, что та войдёт в историю как созидательница нового Китая – она разглядела в тихой, скромной женщине честолюбие и тщеславие.

Сяньфэн умер, не успев вернуться в Пекин. По дворцовым протоколам И по-прежнему числилась наложницей и в описании погребальной церемонии не была даже упомянута. Она была оскорблена, но виду не показала. Переворот требовал не чувств, а действий, однако для действий ей нужен был такой же статус, как и у Чжэнь, которую объявили вдовствующей императрицей.

– А ты знаешь, – сказала Чжэнь, – двести лет назад, когда императором стал Канси, сын наложницы, то его матери был присвоен титул вдовствующей императрицы. Считай, что это – прецедент, и мы предъявим его Совету регентов.

Совет не смог возразить, и в империи стало сразу две августейших дамы. Тогда же они приняли новые имена: Чжэнь назвалась Цыань, а бывшая наложница И – Цыси³.

Переворот произошёл столь стремительно и почти бескровно (были всего-то казнены три человека), что во всём мире поняли, насколько тщательно он был подготовлен. На смену закрытым дверям пришла политика открытых дверей, но сколько на этом пути оказалось ям и рывин!..

Цыси очнулась от воспоминаний, по-прежнему стоя перед зеркалом. Да и прошло-то всего несколько минут.

– Ты так и не ответила, что хочешь предложить Верховному совету, – напомнил о себе отец.

– Я предложу ему свернуть с европейского пути и опереться на мятежников. Без них мы с иностранцами не справимся.

– Ты с ума сошла! Они же только и мечтают, как бы сбросить маньчжурское иго.

³ Цыань – Любезная и невозмутимая (*кит.*). Цыси – Благожелательная и весёлая (*кит.*).

– Иго... иго... Русские назвали игом власть Чингизидов над Русью, а сами за это время объединились и окрепли настолько, что сбросили иго. Сколько длилась эта власть?

– Двести пятьдесят семь лет.

– А сколько правит в Китае наша династия Айсингьоро? От захвата Пекина до сего времени?

Цыси быстро прикинула в уме и тихо ахнула: те же двести пятьдесят семь! Неужели конец?! Неужели её правление – последние шаги империи?!

– Не поддавайся мистике, – сказал отец. – Где русские и где маньчжуры.

Ну нет! Она ещё поборется. И с интервентами покончит, и боксёров приструнит... Так! Чего-то в наряде не хватает. А-а, конечно же, талисмана! Цыси пристегнула на грудь связку жемчужных снизок. Вот теперь – всё, теперь она – настоящая Цыси!

4

Ключ скрежетнул в замке, звякнула дужка и отодвинулся засов. И вслед за тем зычный голос дежурного полицейского гулко прокатился по пустому коридору:

– Саяпин, Паршин, Черных, на выход!

Казачи вышли из сумеречной и душной камеры в остывающий вечер. Солнце садилось за Соборной улицей, его раскалённое тело, будто не желая уходить, зацепилось краями за колокольню и главный храмовый купол Кладбищенской церкви во имя Вознесения Господня и темнело прямо на глазах. Илья Паршин перекрестился на него.

Пашка ткнул Ивана кулаком в плечо:

– Заглянем в пивнушку?

– Не-а, – отмахнулся Иван. – У меня – дела.

– Знаю я твои дела с косыгой. Хватит с ней вошкаться! Как мокрец к тебе присосалась.

– Не смей так о ней говорить, болтомоха несчастный!

– А чё? В харю дашь? Нам с тобой только лихоты из-за неё не хватало.

– Да ну тебя! – Иван плюнул и побежал. К солнцу напрямки, к Китайскому кварталу. Или к дому своему, по пути.

– Пошли, Илья, с тобой, чё ли? Пропустим по кружечке.

Пивнушка находилась рядом, на Иркутской. Павел приобнял Илью за плечи, и они зашагали по деревянному настилу.

– Всё ж таки командир полицейский – наш человек, – сказал Илья, стараясь принориться к шагу Черныха, несмотря на хромоту, очень широкому. – За такую драку всего-то на сутки засадили.

– А за чё больше-то? – лениво откликнулся Павел. – Китаёзы с их боксёрами совсем обнаглели. «Война будет, война будет!» Ну будет, и чё?! Начистим им, косорылым, и успокоятся.

– А чё ты к Ивану, как лимонник, цепляешься? Ну жалеет он свою Цзиньку и пушай жалеет. Китайцы, они тоже разные, как и мы.

– Чё?! – Пашка даже остановился, повернул за плечо Илью к себе лицом и уставился глаза в глаза. – Китаёзы такие же, как и мы?! Да как у ты язык повернулся?! Ванька – и тот понимает. Как он энтого лупцевал, который про баб нашенских вякнул! Любо-дорого!

– Я тож не в стороне стоял.

– Дак ежли бы в стороне, стали б мы с тобой корефанить? Ладно, пошли, не то пиво наше прокиснет.

Иван прежде всего заглянул домой. Сутки не был, маманя, небось, извелась, да и дед с батей не каменные.

Дед Кузьма в завозне что-то ладил, тюкал топориком по колоде; отец сидел на лавке возле крылечка летника, курил трубку и, видно, крепко думал. Увидев Ивана, махнул рукой, подзывая.

Иван подошёл, повинно склонив голову:

– Прости, тятя!

Фёдор не успел и рта раскрыть – в проёме кухонной двери, как чёрт из табакерки, возникла Еленка, простоволосая, раскрасневшаяся – видать, возюкалась с ужином, – зыркнула хитрющими глазами и заорала:

– Мамань, Ванька заявился! Дрань-передрань!

У Ивана и впрямь была порвана рубаха: китайцы оказались страсть какие цеплючие, – а он и позабыл про это, думая лишь о звёздочке своей Ван Цзинь, да ещё, пожалуй, о мамане: как она за него, обормота, переживает!

– Ванюша, сынок родимый! – Маманя, будто молодая, будто ей и не сорок лет, прыгнула с крылечка, обхватила сына обеими руками, прижала к полной, мягкой груди. Хотела поцеловать – не дотянулась: Иван был выше на голову. Всхлипнула.

– Мамань, ты чё?! – перепугался Иван. – Чё плачешь-то?!

– Это она от радости: сын с того света пришёл, – ехидно пропела сеструха; она так и стояла подбоченясь на крыльце.

Иван махнул на неё рукой: сгинь, бесовка, сгинь! Но та лишь захохотала.

Из завозни выглянул дед с топором в руке. Иван махнул и ему, но – приветствуя. Дед в ответ приподнял топорик и скрылся: он без дела не сидел.

А маманя всё не отпускала сына.

– И верно, мать, – прогудел Фёдор, – неча его тискать: не перволюток, поди, а служилый казак. Ему опосля «холодной» побаниться надобно, а там и за стол.

– Да я только показаться и переодеться, – попробовал возразить Иван. – Дело у меня...

– Подождёт твоё дело до завтра. У нас другое, посерьёзнее будет.

Семейная банька была накануне, в субботу, но для узника, как назвал внука дед Кузьма, подтопили специально. Иван вздохнул и подчинился, хотя душа изнылась по красавице Цзинь. Ведь и фанза Ванов была всего-то в двух шагах от подворья Саяпиных, за стеною Китайского квартала, и отец Цзинь Ван Суймин давношний приятель Кузьмы. Однако слово родителя – закон, преступать его – смертный грех.

После бани сели вечерять. Пришла бабушка Таня, принесла миску свежемалосольных огурчиков – они так пахли, что голова кругом шла! Дед принёс из погреба банчок китайского спирта, развёл по-своему колодезной водой – получилась водка-гамырка, немного вонючая, но мягкая. Маманя с Еленкой накрошили полный лагушок зелёного лука, дикого чеснока-мангирия, свежих огурцов, укропа, варенухи – козлятины, яиц и картошки – всё для окрошки с домашним квасом и сметаной. Большая сковорода грибной жарёхи и нарезанная кусками пахучая свежая аржанина – что может быть лучше семейного ужина!

В час, когда вечерняя заря начала бледнеть, а узкий серпик молодого месяца засиял ярче, будто его только что начистили мелким песком и промыли чистой амурской водой, три казака – Кузьма, Фёдор и Иван – уселись рядком на лавке под раскидистым клёном, что рос у входа в огороды, – трубочку перекурить да о жизни поговорить или просто подумать.

Ветка клёна легла на плечо деда, он погладил её узловатой ладонью:

– Помню, помню о тебе, Любонька, – и согнутым пальцем вытер уголок глаза. – Пятнадцать годков будет нонеча.

Ни Фёдор, ни Иван ничуть не удивились его словам. Клён этот почти сорок лет назад сажали все вместе: Саяпины – Кузьма, Люба и трёхлеток Федя, и Шлыки – Григорий, Таня и трёхлетка Аринка. Во дворе Шлыков, что был рядышком, они посадили такой же клёнышек. За ради побратимства.

Первопоселенцы Благовещенска! Нет, не самые – первые, те были солдаты и служилые казаки, кое-кто только-только успел обзавестись женой из каторжанок, а вот среди семейных с детьми – пожалуй, первые. Кстати, Люба и Таня тоже были каторжанками, но их на венчание благословил раньше на три года сам генерал-губернатор Муравьёв. Да и придумка эта – женить молодых солдат и казаков на каторжанках – появилась после венчания Саяпиных и Шлыков. Хотя через столько лет кто уже об этом помнит?!

Венчание, само собой, было куда как важным событием и для Кузьмы, и для Грини – ещё бы, ведь их невесты, Люба и Таня, были на сносях и вскоре родили, одна за другой, Федьку

и Аринку. Но для народа гораздо памятнее тот солнечный день был оглашением указа царя-батюшки о переводе приписных горно-заводских рабочих в казачье сословие.

А Кузьма помнил всё и после смерти своей Любоньки то и дело подсаживался к клёну поговорить о тех давних временах, о побратиме и свате Григории. Не вслух – молча. Иногда к нему подсаживались вдова и дочка побратима, ставшая любимой женой Фёдора и матерью Ивана и Еленки. Посидят, помолчат и расходятся по своим делам. Но иногда вдруг что-то прорывается в душе – криком неслышимым, стоном тоскующим, – и тогда из памяти, будто семечки из порванного газетного кулька, сыплются и сыплются милые сердцу воспоминания.

А иной раз дети приставали: тятя, маманя, расскажите что-нибудь занятное из вашей жизни. Потом внук и внучки полезли с тем же. А что сказывать-то? Жизнь, она вся занятная, хоть и каждый раз иным боком. Вон Гриня Шлык сказывал, что его младшей дочке, Марьяне, больно нравилось, как её мамка генералу жизнь спасла.

– Мамань, а тебе страшно было?

– Не помню, Марьяша, я тогда об страхе не думала, потому как человеку смерть грозила.

– А ежели б то не генерал был, а бродяга босоногий?

– Пуля не разбирает – генерал али бродяга. И спасала я не чин генеральский, а человека.

– Ну за генерала, поди, награда поболе.

– А мне награда была самая великая: меня в больничку перевели, а там меня тятя ваш сыскал. Не будь такой награды – и вас бы с Аришей не было.

Марьяша взвизгивала от восторга и кидалась Таню-маманию целовать. А та в ответ тискала последыша своего: опосля Марьяны в положение-то больше не входила⁴, зато Аринка уже была брюхата Иваном – они с Фёдкой, поди, лет с четырнадцати миловались. А и то, как не миловаться, когда с утра до вечера рядом, и рука сама тянется к потаённым и таким желанным местам?

...Кузьма раскурил трубку, передал сыну. Тот затянулся пару раз и отдал Ивану. Иван тоже пустил струйку дыма и вернул трубку деду. После чего Фёдор раскрыл свой кисет и набил свою трубку. Иван сделал то же самое. От трубки деда раскурили свои и задымили.

Молчали.

Из недалёкого Китайского квартала долетал какой-то скандальный шум. Из далёкого городского парка доносились звуки духовой музыки: по воскресеньям там играл оркестр. В летней кухне Арина Григорьевна с матерью и дочкой мыли посуду и о чём-то негромко разговаривали.

– Дак за что вы китайцам мурцовки дали? – нарушил молчание дед, почёсывая рыжую бороду, в которой, похоже, не было ни единого седого волоска. У Фёдора и бороду, и чуб – тоже рыжие – пробусило инеем, а у деда – нет!

Иван поперхнулся дымом и закашлялся. Онто думал, что про драку никто не вспомнит, и всё быльём порастёт.

Дед терпеливо ждал, пуская дымок самосада.

– Сами напросились, – откашлявшись, просипел Иван. – Захотелось им казакам головы отрезать, а баб казацких себе забрать.

– Ишь ты! Поделом, значит, получили. Токо ты, Ванёк, ходи сторожко. Они людишки злопамятные...

– Ну не все ж, – возразил Иван. – Вон Сьюмин, какой же он злопамятный?

Ван Сьюмин, сапожных дел мастер, был закадычным другом деда Кузьмы. Его семейство – жена Фанфан, дочка Цзинь и сын Сяосун – жило неподалёку: в Китайском квартале у них был свой двор – две фанзы с переходом и крохотный садик. Ваны дружили и с Саяпиными, и со

⁴ Войти в положение – забеременеть (*амур.*).

Шлыками, вместе отмечали праздники: русские у казаков, китайские, соответственно, у Ванов. Ну и молодёжь друг друга не сторонилась: у Ивана и Цзинь закручивалась любовь, Еленка с Сяосуном сызмала играли вместе.

– Суймин – добрейшей души человек, – согласился дед Кузьма. – Можно сказать, редкостный.

– Вот видишь! А злопамятных и середь русских полно.

– Не полно, однако ж имеется. Но русские злы, да отходчивы, злопамятных мало.

– Хватит, батя, считаться, – сказал Фёдор. Он огляделся, нет ли поблизости лишних ушей, и продолжил вполголоса: – Есть дело посерьёзней. Мне атаман поручил набрать полсотни добровольцев и пойти в Сунгари. Помочь охране требуется. Вот и Ванюшку возьму с собой.

– Какой же он доброволец? – ухмыльнулся дед. – Он теперича рядовой казак Первой сотни Амурского Первого казачьего полка.

– Это атаман решит. Даст отпуск и вся недолга.

– Бать, а Пашку с Илькой возьмёшь? – обеспокоился обрадованный новостью Иван.

– Тихо ты! Ильку возьму, а Пашку... – Фёдор затыкнулся, пустил дымок и покрутил чубатой головой. – Он же хромым.

– В седле сидеть может не хуже других, – заступился Иван.

– Дело не в хромоте, – сказал дед. – Мутный твой Пашка.

– Это как? – обиделся Иван за самолучшего друга. – Пашка – весь нараспашку! Он за меня...

– За тебя? – Дед тоже пыхнул дымом и разогнал его рукой. – Ну-ка, поведай, кто драку с китайцами учинил? Кто был первый?

– Н-ну... Пашке показалось, что китайцы иванятся⁵ перед нами... он и врезал...

– Он, значит, врезал, а дрались вы с Илькой?

Так оно вообще-то и было. Пашка больше подзуживал, чем кулаками махал.

– Откуда, дед, ты всё знаешь?

– Сорока на хвосте принесла.

Иван хотел взбрыкнуть, но вдруг вспомнил про Цзинь и сник: как же он её оставит в такое время тревожное?

Дед словно учуял беспокойство внука, похлопал его по колену:

– За деваху свою не печалуйся. Ванам завсегда подмогнём. Мы ж с Суймином не разлей вода.

⁵ Иваниться – зазнаваться, кичиться (*амур.*).

5

– Цзинь, колокольчик мой золотой, не хмурься... Ну вот, уже и насупилась, как тучка дождёвая, того и гляди прольёшься... Улыбнись, солнышко! Я ж не насовсем уезжаю.

Они сидели на склоне холма среди кустов дикой смородины, невидимые с любой стороны. Зато для них открывался прекрасный вид на город, похожий расчерченностью улиц на военный лагерь, на широкий Амур и кучку серых мазанок на другом берегу – там был городок Сахалин. За Сахалином тёмно-зелёной, переходящей в тёмно-синюю, тучей лежала тайга.

С недавних пор это было их любимое место. Его нашёл братишка Цзинь пятнадцатилетний Сяосун. Смышлёный и очень наблюдательный, он давно приметил, что Иван и Цзинь маются без места, где могли бы уединиться без риска попасться на чьи-нибудь недоброжелательные глаза. И в конце жаркого апреля, когда быстро высохшая земля покрылась буйной травой, а деревья и кустарники – густой листвой, Сяосун с таинственным видом подошёл к сидящей на скамейке в крохотном садике Ванов парочке и заявил:

– У меня есть подарок.

– Замечательно! – хмуро сказал Иван, который не смел даже дотронуться до руки Цзинь. На виду у всех она держалась очень строго. – Кто подарил?

– Я вам хочу сделать подарок.

– Нам? – удивилась Цзинь и подняла на брата большие лучистые глаза. Они были чёрные, но, отражая свет, походили на маленькие солнца. – Ну, делай.

– Да уж, давай дари, – подхватил Иван.

– Идите за мной и ни о чём не спрашивайте.

Они переглянулись, но встали и пошли.

Шли долго. Сначала до конца улицы, потом обогнули тюремный двор, спустились в долину и стали подниматься по склону холма, почти продираясь сквозь заросли дикой малины и смородины.

– Долго ещё? – не выдержал Иван.

– Потерпи, ещё немного, – отозвался Сяосун и через пару секунд торжествующе сказал: – Вот!

Их глазам открылась маленькая, но такая уютная полянка, что Цзинь даже захлопала в ладоши и поцеловала брата в щёку. Она сразу поняла и оценила подарок.

Иван сел на землю и обвёл глазами открывшуюся картину:

– Здорово! – Увидел под кустом свёрнутый трубкой войлок. – А это зачем?

– Чтобы пигу не застудили, – для точности Сяосун хлопнул себя по заду, засмеялся и скрылся в кустах, не дожидаясь слов благодарности.

Без подстилки земля и верно оказалась холодноватой. Иван расстелил войлок, и они легли рядом. Лежали долго. Молчали и глядели в чистое небо – оно показалось совсем близким и тёплым. Потом как-то сразу повернулись лицом к лицу, и небо обрушилось на их неистовые объятия. Торопясь, путаясь в складках, они раздевали друг друга, потом со стоном и вскриками спешили отдать себя, ошибаясь от неумелости, чуть не плача из-за этих ошибок, и наконец затихли, прижавшись друг к другу.

Сколько так пролежали, неизвестно. По солнцу получалось – часа два. Разомкнули объятия и сели. Иван одной рукой обхватил плечи Цзинь, другой ладонью ласково провёл по её груди.

– Не надо, – сказала она, глядя перед собою. Уловила его недоверчивое удивление и пояснила: – Не то опять всё начнётся с начала, а я очень устала.

Иван убрал руку с её плеч, обхватил свои согнутые колени.

– Так вот она какая, настоящая любовь, – сказал, не поворачивая головы. – Я люблю тебя, Цзинь, и буду вечно любить.

– А я – тебя.

С того дня прошёл месяц. Ивана зачислили в рядовые Первого конного полка, начались учебные занятия, и встречи с Цзинь стали очень редкими. А тут ещё эта драка с последующей отсидкой в «холодной». Хорошо хоть одно: после зачисления в группу добровольцев Иван смог встретиться с любимой.

– А куда ты уезжаешь? – спросила она.

– Вообще-то секрет, но тебе скажу. Хунхузы объявились. Банда больно велика. Но кончится эта заварушка, мы возвратимся, а в осень и поженимся.

– Нет, Ванья, не поженимся. – Цзинь произносила его имя почти по-китайски, Ивану почему-то это ужасно нравилось. – Твой фуцинь... твой отец... он будет против.

– Тятя? Да не-е... Ты ему нравишься. А ежели супротив будет, божом обвенчаемся! Ну, вкрадче значит.

– Как же обвенчаемся, я же некрещёная?

– А ты покрестись, покуда я в отлучке. Церква-то вона – рукой подать. Батюшка святыи токо радый будет. Ещё одну душу к Богу приведёт.

– Тоже божом? Мой папа... сильно огорчится.

– Как огорчится, так и порадует... ну, само собой, опосля венчания. Так завсегда бывает.

– Как у тебя всё просто! Креститься – божом, венчаться – божом...

– Да уж, такой бежкий я!.. Ну вот, улыбнулась! Зазвенел мой колокольчик: Цзинь-Цзинь-Цзинь... Иди ко мне, золотинка моя, обойму покрепче да нацелуюсь досыта. Давай цюнь⁶ раскром, покажись во всей красе – дай на её наглядеться...

Цзинь вдруг застеснялась:

– Стыдно, Ванья!.. Вдруг заметят...

– Да кто ж тут заметит? А я уж так соскучился – силов нету!

Иван развязал пояс на платье Цзинь, запахнул его, под ним обычно было шёлковое бельё чжундань – на этот раз сразу открылось прекрасное девичье тело. Иван задохнулся от восторга и приник губами к её груди.

– Ох, Ванья, и я скучаю... – Она обняла его рыжую голову. – Сильный ты... М-м-м... О-о-о... Хорошо-о-о... – И вдруг вздрогнула. – Ой, ветка хрустнула! – Цзинь попыталась отстранить его. – Пусти, увидят...

Снова хрустнула ветка: кто-то шёл напролом и прямо к ним. До Ивана наконец дошло, что надо привести себя в порядок.

– Запахнись, я тож приберусь...

– Не бойтесь, это я, – послышался знакомый голос.

Иван засмеялся:

– Э-э, да это свой гаврик.

Из зелени вынырнуло лицо Сяосуна. На нём явно читался испуг. Мальчишка быстро заговорил по-китайски, Цзинь ответила, старательно завязывая пояс платья.

Иван тоже раздражился:

– Чё-тостряслось, братальник? Да не лопочи, говори по-русски.

– Мама из города вернулась, послушала, что люди говорят, – заторопился Сяосун. По-русски он говорил лучше Цзинь. – Сказывают: цюани Мукден взяли и христиан вырезали. Всех до единого! Даже китайцев не пожалели. Головы рубили, животы вспарывали...

– Цюани – кто это? Чё за звери?

⁶ Цюнь – платье (*кит.*).

– Цюани – это кулаки, их ещё боксёрами называют. Ихэцюани. Они весь Китай хотят от «заморских чертей» очистить. И от русских тоже.

– Неужто из-за этого зверствуют?

– Они себя называют Кулак во имя справедливости.

– Зверство не бывает справедливым.

– Не знаю. Люди говорят – я повторяю.

Цзинь слушала, и глаза её наполнялись испугом:

– А ты, Ванья, говоришь: креститься!

– Что?! – перепугался Сяосун. – Цзинь креститься?! Да ты что?! Нельзя, нельзя!! Цюани точно убьют!

Иван рассердился из-за испуга Цзинь:

– Ты ж сам сказал: они в Мукдене. А мы в Благовещенске, за тыщу вёрст, поди...

Сяосун не обратил внимания на его слова:

– Пойдём домой, Цзинь. Мама боится, что цюани здесь объявятся.

– Да с чего им тут объявляться?! За тыщу вёрст! – не унимался Иван.

– Цзинь, пойдём, дома ждут...

Цзинь встала. За одну руку её тянул брат, за другую держал Иван. Она выдернула обе, обняла голову любимого:

– Прощай, Ванья! Возвращайся скорее.

– Ну ладно... – неохотно согласился Иван. Но наказал: – Сяосун, береги сестру. Я люблю тебя, Цзинь!

– Я тоже люблю. Прощай!

В последних словах Цзинь было столько отчаяния, что невольно проявлялась ужасающая Ивана мысль: Цзинь он больше не увидит никогда! Иван гнал её от себя, она уходила, но снова и снова возвращалась, принося с собой всё большую горечь и тревогу. Перемогая себя, казак тем не менее собирался в поход: перековал лошадей, свою и отцовскую, проверил и починил сбрую, наточил шашки, перебрал и смазал карабины-кавалерки, пополнил запас патронов – всё делал сам, отцу было некогда, он ездил по станицам и посёлкам, собирал добровольцев. Хотя какие уж там добровольцы! Двенадцатого июня объявили мобилизацию по Приамурскому округу, и всем служилым казакам следовало стать в строй. Иван было решил, что поход добровольцев отменяется, и даже обрадовался, что не надо будет надолго расставаться с Цзинь, однако отец сказал, что пришла телеграмма об увеличении Охранной стражи железной дороги, и теперь писать просьбу об отпуске не требуется. Но поручение атамана равносильно приказу, оно остаётся в силе.

– Ты, сын, конечно, имеешь такое право – не идти добровольцем, а я тебя не могу принуждать, – сказал Фёдор, морщась, словно от сердечной боли. – Понимаю: зазноба, любовь и всё такое. Сам был молодым... Но эти боксёры угрожают нам, русским, нашему делу, а через нас – всей России, а Россия, тоись наша Родина, она куда важней всяких там отдельных любостей. Не будет её – не будет и нас.

Вот эти последние слова отца – «Не будет её – не будет и нас» – почему-то резанули Ивана по сердцу и оставили на нём отметину на всю жизнь.

6

Добровольцев Саяпин набрал быстро. Желавших оказалось много, потому отбор был жёсткий. Отсеянным строго-настроено наказывалось молчать. «Навоюетесь ещё», – говорил Фёдор недовольным, даже не предполагая, как скоро сбудутся его слова.

Недовольны были, само собой, жёны и дети уходивших в поход. Жёны плакали ночами, дети – днём: всё-таки на китайской территории шла война, и хотя Россия в ней вроде бы не участвовала, русские там были, и по ним наверняка стреляли, а пулям всё равно куда лететь и в кого попадать. Но вот казачкам и казачатам было далеко не всё равно. Они, конечно, понимали, что казакам по службе предписано, если нужно, за Отечество пострадать, однако угрозы земле российской не видели, а сказать людям всю правду Фёдор Саяпин не мог. Даже Аринушке свет Григорьевне, жене своей златовласой, бок о бок с которой прожил, почитай, с самого своего рождения – недаром отцы побратимами были, а матери-подружки чуть ли не день в день рождали, – даже ей, от которой не хранил ни единого секрета, сказал всего несколько слов:

– Про поход, Аринушка, никому ни слова. Указ атамана!

Фёдор и его добровольцы помалкивали, а «Амурская газета» печатала новости из Китая, и они отнюдь не радовали. Более того, до слёз тревожили жён и матерей уходивших на ту сторону Амура казаков.

Одиннадцатого июня боксёры вошли в Пекин, и там начались погромы иностранных представительств и убийства христиан – католиков, православных и протестантов. На улицах валялись изуродованные трупы стариков, женщин и детей, и боксёры с удовольствием фотографировались на их фоне.

– Ну как же такое возможно?! – поражались русские, видя эти фотографии в газетах. – Такой хороший народ, такие добрые люди! Откуда это зверство повылезло?!

– А чего вы удивляетесь? – говорили некоторые, более дотошные. – Думаете, наш народ не такой? Погодите, когда припрёт, такое дерьмо из нас полезет – многих в ужас приведёт.

Особую ненависть повстанцев испытали на себе китайцы – «прислужники белых дьяволов». Показательно был схвачен и публично на площади Тяньаньмэнь, что у южных ворот Запретного города, императорского комплекса дворцов в Пекине, распилен пополам деревянной пилой китайский сопредседатель Правления КВЖД Сюй Цзинчен.

Арина Григорьевна «Амурскую газету» не читала, но уши-то не заткнёшь – от соседей и знакомых прознала про эти ужасающие новости и, естественно, связала их с походом, куда собрались муж и сын. Слезы, понятно, полились сами собой, но Фёдор обнял её, отвёл в сторонку, постояли они так несколько минут, ничего не говоря, и всё прошло. По крайней мере, для сторонних глаз.

Семнадцатого июня, ещё до восхода солнца, полусотня собралась на берегу Амура, версты полторы не доезжая посёлка Верхне-Благовещенского. Здесь и берег был подходящий – невысокий яр, заросший тальником, и ширина реки небольшая, саженей сто – сто двадцать, да и глубина позволяла форсировать вместе с конями.

Казачки разделались догола, одежду, карабины и прочий скарб приторочили к сёдлам и пошли, ведя коней в поводу. Вода была прям парная, река подёрнулась белёсой дымкой, уже зарозовевшей в свете зарницы; тишина стояла такая, что ломало в ушах.

Шли молча, без лишнего плеска, даже лошади не дёргались, не всхрапывали. На матёре дно ушло из-под ног, пришлось плыть, держась за сёдла. Недалеко, сажен пятнадцать, поэтому снесло не очень. Правда малорослика Ильку Паршина быстринка оторвала было от седла и потащила, но шедший следом Иван успел схватить товарища за волосы и вернуть на место. Спа-

сённый не ругнулся даже шёпотом, только головой покрутил, словно проверил, всё ли на месте, и продолжил переправу.

Не прошло и четверти часа, как весь отряд собрался под прикрытием крупных дубов и вязов, которые вместе с мелким подлеском и кустарниками образовывали на берегу довольно густой лес. Тихо и сноровисто оделись, проверили снаряжение, чтоб, не дай бог, не звякнуло ненароком.

Заря уже разгорелась над далёким Благовещенском, который обозначился на её фоне чёрной полоской с ёлочными вершинками церковных колоколен и пеньком пожарной каланчи. Казаки все враз перекрестились на них – кто знает, доведётся ли вернуться? – и сгрудились возле Фёдора с молчаливым вопросом: что там дальше, командир?

Сотник отправил несколько казаков по разным направлениям – оберечь отряд от посторонних глаз – и, присев на поваленное дерево, развернул на коленях подробный план правобережья Амура. Войсковая старшина не один год собирала сведения о нём по крупицам – от китайских крестьян, привозивших на продажу мясо, овощи и фрукты, от своих купцов, ездивших в Маньчжурию, от завербованных агентов и даже от пленных хунгузов. Имелись в этом плане и доли Саяпиных – Кузьмы и Фёдора, а также Григория Шлыка. План был начерчен землемером из городской управы, на нём хорошо были прорисованы прибрежные земли – фанзы, кумирни, торговые лавки Большого и Малого Сахалянов, что напротив Благовещенска, а также мелкие поселения цунь и даже отдельные цзунцу⁷ – дворы, постройки – ниже по течению вплоть до окружного городка Айгуна. Но, чем глубже в маньчжурские сопки – на юг и запад, тем карта становилась менее подробной: не хватало данных.

– Идём скрытно, – вполголоса говорил Фёдор, водя по плану узловатым указательным пальцем. – Эти тропы проверенные. Общее направление на Мэрген, дальше – на Цицикар. Будет много ручьёв и рек, с переправой решаем на месте. Сами ни во что не ввязываемся, наша главная задача – разведка. Оружие держать наготове: возможны нападения боксёров и хунгузов. Поэтому впереди, сажён за двести, пойдёт тройка дозорных, смена каждые два часа. Списки троек у старших. Привалы через каждые двадцать-тридцать вёрст. Вопросы есть? Вопросов нет. Тогда с богом!

Ехали гуськом – где-то шагом, где-то лёгкой рысью; впереди колонны помощник командира подхорунжий Прохор Трофимов, замыкал движение Фёдор. Иван с Илькой были где-то в середине.

Мерный перестук копыт, покачивание в седле располагали к размышлениям и воспоминаниям. Фёдору припомнилось, сколько раз они с отцом и дядей Гриней Шлыком бок о бок ходили в походы против хунгузов. Пожалуй, не меньше сотни. Первые годы после войны, когда побили англичан и французов и начали застраиваться станицы по-вдоль Амура – отец сказывал, тогда ещё генерал-губернатор граф Муравьёв-Амурский в гости заглянул к первопоселенцам Благовещенска, – то время было тихое, спокойное. Может быть, потому что хунгузам грабить было нечего. Вот когда обжились, нарастили на кости мясо да сало, тогда и хунгузы пожаловали. И он, Фёдор, уже подрос, лет шестнадцать или семнадцать стукнуло перед первым походом – в служилые не зачислен, а первых бандитов в могилку уже уложил. Правда, и сам ранен был. Как тогда Аринка за него слезьми заливалась, дядя Гриня грозился вожжами урезонить, ежели не перестанет...

Фёдор вздохнул: где они, те времена? Дядя Гриня уже десяток лет на городском кладбище, кстати, вернёмся – надобно могилку поправить, отец без него тоскует, и мамани пятнадцать лет как нет, от лихоманки сгорела, и бабушка Таня еле ходит...

Эх, время-времечко, куды ж ты торопишься?!

⁷ Цзунцу – семейный клан (*кит.*).

7

Таёжная тропа в обход Большого Сахалина вывела к мелкосопочным отрогам Малого Хингана. Скорость скрытного передвижения была невелика – не больше семи-восьми вёрст в час, зато никаких нежелательных встреч до первого привала не случилось. Редкие поселения по пути осторожно осматривались дозорными – опасности для отряда они не представляли. Это были цзунцзу – крестьянские хозяйства, похожие на казацьи хутора: обычно несколько жилых фанз в окружении завбдней-сараяшек и хлевов для домашних птиц и животных, главным образом свиней, овец и коз. Тягловые – волы и лошади – имелись далеко не у всех: небольшие поля гаоляна, сои и пшеницы обрабатывались вручную, как и огороды.

Совсем как у нас, подумал Иван, услышав очередной доклад дозорных о китайских хуторах. Отец с Трофимовым поменялся местами, и Иван перебрался к нему поближе. В Китае он был впервые, поэтому всё было внове. Он ехал, чуть приотстав, за отцом и внимательно вникал во все тонкости командования полусотней – не сомневался, что пройдёт какое-то время, и он тоже пойдёт по пути казацкого офицера. Да, впрочем, уже пошёл! Как дед Кузьма, закончивший службу подьесаулом, как сотник отец, как второй дед Григорий Шлык, маманин тятя, подхорунжий, погибший десять лет назад от пули хунхуза.

Иван вспомнил, как убивалась бабушка Татьяна над телом мужа, с которым прожила душа в душу аж тридцать лет, и поёжился: это ж надо – любить целых тридцать лет! И тут же усмехнулся: а чему ты удивляешься? Вон дед Кузьма бабушку Любу тоже любил-жалел, правда, помене годков, но дед не стал вдругорядь жениться, хоть и мог. Опосля Любы ему никто не нужен был, всю остатнюю душу на сына положил, а дале на внуков – на него, Ивана, и на Еленку, сеструху младшую. Внуков могло быть и поболее, да брат Петрик утонул в девять лет, а ещё три сестры умерли совсем во младенчестве.

Стой-постой, а как будет у него и Цзинь?! И кровь бросилась Ивану в лицо, ажно жарко стало от стыда: как же случилось, что за всеми хлопотами-сборами в поход, за переживаниями из-за невыплаканных слёз мамани мысли о Цзинь как-то незаметно уползли – то ли вглубь, то ли в сторону?! Не пропали, не стёрлись, а именно уползли, будто и не были главными всего-то пару дней назад. А вдруг и верно сказала Цзинь, и они больше не увидятся никогда? Вдруг его, Ивана, убьют, или, хуже того, семейство Ванов вернётся в Китай, пока он в походе, и останется молодой казак один-одинёшенек на всём белом свете...

Иван совсем было затосковал, но тут они вышли к сопкам, дозорные отыскивали подходящий западок под скалой, и командир приказал обустроить привал для обеда. А Ивану выдал большой бинокль и послал его в паре с Илькой Паршиным на голую вершину сопки для кругового обзора. Крепко-накрепко наказал:

– Оттуда дорога на Айгун и Даянши должна быть видна. Последите за ней. Обо всём подозрительном немедленно докладывайте. И не вздумайте спать! Я проверю. И ежели что, дам такой мурцовки!

– Слушаюсь, господин сотник! – браво ответил Иван, а Илька повторил за ним, ещё и выпятив грудь колесом.

Фёдор ткнул Ильку кулаком, чтоб не придурился, а на Ивана посмотрел подозрительно – не шуткует ли сын, но тот вёл себя, как полагается рядовому казаку перед начальством, и отец успокоился. Подумал: всё ж таки добрый казачок растёт – дюжей, не болтомоха, хотя за словом в загашник не лезет. Махнул рукой: марш-марш, казаки!

Иван с Илькой устроились на гольце, осмотрелись, выбрали позицию среди камней побольше, чтоб со стороны не было видно, пожевали всухомятку алябушек⁸, посожалев, что

⁸ Алябушки – пресные лепёшки (амур.).

чая-сливана⁹нет – запить лепёшку нечем, и занялись делом. Один смотрел в бинокль и говорил, что заметил, другой записывал сказанное в тетрадку. И так по очереди.

Хотя записывать, по правде, было нечего. Хорошо видная в бинокль дорога-колесуха пустовала, да и кому там сейчас ездить или ходить – время-то самое огородное: картошку надо отяпывать, морковку пропалывать, огурцы поливать. Крестьянам не до прогулок, а иных человек тут отродясь не водилось. Ну окромя хунхузов – так то ж разве человеки?

Иван в очередной раз принял от Ильки бинокль, пробежал взглядом дорогу и глянул на соседнюю сопку – так, из любопытства. До неё версты три-четыре. Вершина её тоже было голая, если не считать нескольких кустиков. И среди этих кустиков он увидел людей – насчитал пятерых; они стояли в рост, не скрываясь, и тоже осматривались: видать, только что поднялись на голец. Несмотря на то, что солнце припекало, одеты были в мохнатые шапки и куртёхи-гулами козлиным мехом наружу. За плечами – ружья двуствольные, похоже, крынки¹⁰.

Хунхузы!

Иван сунул бинокль Ильке:

– Следи за имя, а я – к сотнику! – и, подобрав шашку, сиганул по крутяку вниз.

Казак уже закончили с обедом – кто-то лениво покуривал трубку, кто-то прибирался, Фёдор что-то писал в толстой полевой тетради, – как вдруг по верху скалы, прикрывавшей привал, защёлкали-посыпались мелкие камни, а вместе с ними чуть не на головы свалился Иван.

– Тятя, – вскочив на ноги, забыв про чин и звание, выпалил он, – хунхузы!

Все мгновенно подобрались, окружили Ивана, но молчали в ожидании командира – ему первое слово. Фёдор сунул тетрадь в полевую сумку, висевшую у него через плечо, не спеша повернулся:

– Хунхузы? Где они, сколько? Докладай коротко и ясно.

– На соседней сопке. Видели пятерых. Похоже, тоже следят за дорогой.

– Илька где?

– Остался следить.

– Схоронился?

– Само собой.

– Внимание! – Фёдор не повысил голос, но все его услышали и подтянулись. – Три очередные тройки дозорных – в разведку. Во все стороны! – Он подождал, пока назначенные в наряд скроются в чаще, и продолжил: – Костры погасить и засыпать, за собой всё прибрать – чтоб никаких следов не осталось. Особо беречь коней – хунхузы до них охочи. Ежели они следят за дорогой, значит, ждут добычу – из Цицикара в Айгун али обратно.

– Дратся будем? – подал голос Трофимов, помощник из вахмистров, получивший звание подхорунжего по случаю похода.

– Не хочется, но следует быть годными.

Казак шевельнулись, шумнули:

– Почто не хочется? Очень даже хочется!

Фёдор поднял руку – шум стих.

– Мы не знаем, сколько их, – веско сказал он. – Банды бывают многосчётны – вдруг они нам не по зубам? Вяжемся и – всё! Вздпятки не получится. А у нас приказ: драка токо в крайнем случае. Ежели нападут – получают, однако сами не полезем. И хватит гимизить – беритесь за дело!

⁹ Чай-сливан – крепкий чай с топлёным молоком, который нужно пить с колотым сахаром вприкуску. Иногда для жирности и вкуса в него могли добавить масло, сметану или поджаренную муку (*амур., забайкал.*).

¹⁰ Крынки – в просторечии чешские однозарядные винтовки конструктора Сильвестра Крнки.

С двух сторон разведка вернулась быстро и безрезультатно. С третьей, от соседней сопки, – не пришла, но и звуков тревожных оттуда не донеслось.

– Ииэх, никак втюхались в засаду! – жажнул Фёдор кулаком по камню.

– Даже не шумнули, – досадливо скривился Трофимов. – Верняк: взяты на ножи! Казачки, казачки, настоящей войны не понюхали!

Подхорунжий был прав: Амурское войско войны не нюхало целых сорок два года, с самого своего основания. Отдельные схватки и стычки с хунхузами и контрабандистами не в счёт. Правда, банды бывали так занаряжены, что и регулярные войска могли позавидовать, и с ними велись кровавые бои, но казаки участвовали в них малым числом, главным образом помогали пограничной страже и линейным частям.

Теперь же полусотне противостояла, возможно, немалая банда, причём на своей земле, и от неё следовало ждать неслабого ответного действия. Фёдор быстро расставил казаков по схронам, подковой охватывавшим место привала, и наказал высматривать опасность вкруговую, потому как хунхузы придут, само собой, не кучно и не цепью, а тайно и, скорей всего, со всех сторон.

Они и пришли. Хорошо, что Илька Паршин разглядел с гольца движение в лесу.

– Господин сотник! – с воплем скатился он вниз. – Хунхузы идут!

– Ты чего базланишь?! – перехватил его подхорунжий. – Молчок!

– Хунхузы же... – растерянно бормотнул Илька. – Я доложить...

– Уже доложил, – Трофимов передал его подошедшему Саяпину.

– Много? – спросил Фёдор.

– Мелькают. И, похоже, обходят.

– А может, просто прочёсывают? – усомнился подхорунжий. – Не знают, где мы, вот и чешут тайгу.

– На нас всё едино выйдут, а у нас лошадей цельный табун. Их поберечь надобно. Занимаем круговую оборону! Ты, Трофимов, бери левое крыло, а я – серёдку и правое.

Однако боя как такового не случилось. В глубине леса неожиданно слышались перебивы, да не простые, а рисунчатые: длинный, два коротких и снова длинный, и так несколько раз – и всё стихло. Бандиты исчезли.

Фёдор послал на голец Ивана. Тот быстро вернулся с известием: по дороге на Айгун появился обоз – много вооружённых, но явно не военных людей, несколько крытых повозок на конной тяге и три пушки, их тянут волы.

– Хунхузы на елани неподалёку от колесухи собираются, видать, ждали обоз, – закончил Иван и преданно уставился на отца: всё ли верно?

Сотник приказал собрать отряд, а сам задумался. Такого поворота он не ожидал. Что за обоз, что за люди? Не военные, но вооружённые! А кто сейчас в Китае не военный, но вооружённый? Само собой, первоядно хунхузы, но навряд ли бандиты друг на друга засады устраивают. Значит, боксёры, которым русские со своей железной дорогой как кость в горле. И плевали они на разные там договорённости! Так, дальше... Обоз идёт на Айгун. А для чего Айгуну пушки? На русской стороне против этого городка находится Маньчжурский клин, где живут тысячи китайцев и маньчжур, которые подчиняются айгунскому амбаню и которые могут по приказу из Айгуна или Цицикара выступить против русских. Правда, у них нет оружия, но трудно ли перебросить его через Амур? Да запросто, даже те же пушки. А с оружием и пушками – вот вам готовая армия! А чего хотят хунхузы? А хотят они пограбить. Вот и ограбят боксёрский обоз... Хотя, может, и не ограбят, а пойдут вместе с ними, но сначала постараются уничтожить казаков, которые не ко времени и не к месту оказались у них под рукой.

Надо уходить!

– А как же быть с пропавшими? – словно подслушав мысли командира, подал голос Трофимов. Все казаки уже собралась возле Фёдора, и подхорунжий спросил как бы от их имени. – Мы своих не бросаем.

– Это, товарищи, – наша общая боль. Однако они наверняка уже на небесах, а я не могу и не хочу из-за трёх крутелей¹¹ ставить под удар всю полусотню и наше задание, – угрюмо сказал Саяпин. Оглядел недовольные лица и добавил: – Но готов выслушать предложения.

– Они не крутели, ты сам всех отбирал, – возразил Трофимов. – Нарваться на засаду может любой. А предложение имеется.

Подхорунжий оглянулся на товарищей, словно заранее ища поддержку, казаки сгрудились тесней и закивали: давай, мол, говори.

– Хунгузы нацелились на обоз, там вот-вот зачнётся заваруха – нам самое время вмешаться и поддать им жару.

– Мы не знаем, чё это за обоз, супротив кого он гонит пушки, – возразил Фёдор. – Спасём их, а они потом по нам и врежут.

– Спасать нет нужды, – заявил Трофимов. – Бить надобно всех и сейчас. – И ухмыльнулся: – На небе разберутся.

Подхорунжий снова оглянулся на товарищей – по казачьей груди прокатились одобрительные смешки.

Фёдор и сам был бы рад вмешаться, однако отрицательно покрутил головой:

– А ежели тут ещё кого-нито положим? Стоит оно того? Сами понимаете: не стоит! А потому приказываю: немедля собираемся и выступаем дальше, направление прежнее – на юг! Дозорной тройке обыскать место стоянки хунгузов – найти наших погибших. Найдутся – предадим земле по-христьянски. С богом, товарищи! Недовольные выскажутся на следующем привале.

¹¹ Крутэль – легкомысленный человек (*амур.*).

8

И снова всё переменялось: видно, день такой выдался неустойчивый.

Полусотня не успела начать движение – появился запыхавшийся один из тройки дозорных:

– Нашли... нашли... лежище!

– Бандиты есть? – первым делом спросил Фёдор.

Казак мотнул головой:

– Были... трое... манатки собирали... мы их – чик... – и показал, что произошло, чиркнув ладонью по горлу.

– Молодцы! – довольно выдохнул подхорунжий Трофимов. – А наши... Чё с имя?

Дозорный помрачнел:

– Давайте бежко¹² за мной, сами увидите. Токо тихо!

Стараясь не шуметь, отряд поспешил за дозорным. Коней вели в поводу.

Стоянка хунзузов была на большой поляне, окружённой старыми кондовыми лиственницами. Несколько шалашей и дымящихся кострищ, собранные в кучки, ещё не упакованные пожитки, три трупа в серых халатах дуаньда¹³ и кожаных сапогах – всё Фёдор ухватил одним быстрым взглядом: это было не главное. Главное закрывали спины двух дозорных, стоящих с опущенными головами возле лиственниц. Когда подошли товарищи, они расступились, не оборачиваясь, и у Фёдора перехватило дыхание: на земле лежали обнажённые растерзанные тела, три молодых казака. Их не пытали, чтобы узнать какие-то секреты, а просто медленно убивали: полосовали ножами, вспарывали животы, отрезали мужские органы и головы. Рты были забиты тряпками – чтобы не слышны были крики. Тела залиты кровью, земля вокруг забурела, напивавшись ею.

Казаки обнажили головы, с минуту постояли молча. Тишину нарушили недалёкие выстрелы и вслед за тем пронзительно отчаянный голос Ивана Саяпина:

– Чё ж мы, так и уйдём?! А, братцы?!!

– Нет, теперь не уйдём! – яростно выдохнул Фёдор. – Казаки, на-конь! К бою, и никого не жалеть!

От лежища до колесухи не больше версты отряд одолел, как показалось Ивану, почти мгновенно. И почти тихо – только дружно и глухо стучали копыта. Лес был негустой, кустарников мало – промеж стволов в атаку шли как бы лавой. И атаки этой хунзузы явно не ожидали.

На дороге уже закутилась настоящая заваруха. Обозники оказались не замурдованными работой бессловесными перепуганными крестьянами, с какими часто имели дело грабители, – эти были вооружены фитильными мушкетами и кремнёвыми аркебузами, пиками и копьями, мечами и ножами. Было и другое оружие, которым его хозяева не собирались или не умели пользоваться, но обнаружилось оно уже потом, когда всё закончилось.

А пока всё только началось.

Вырвавшись из леса на дорогу, казаки, не стовариваясь и не ожидая команды, на скаку вскинули карабины, и на дерущихся обрушился град пуль. И каждая нашла свою жертву.

Кто успел перезарядить, выстрелил и второй раз, но в дело главным образом пошли пашки. Казаки как черти вертелись между возами, рубя всех, кто попадался под клинок. Ни обозники, ни хунзузы не оказали даже малейшего сопротивления – настолько они были ошарашены. Кто-то пытался поднять руки, умоляя о пощаде, но это было, всё равно что просить снисхождения у тайфуна.

¹² Бежко – быстро, сноровисто (*амур.*).

¹³ Дуаньда – повседневная одежда (*кит.*).

Атака, а точнее сказать резня, длилась не больше десяти минут. Казаки прошли между возами в поиске недобитых – поганое это дело приканчивать раненых, – но то ли таких не оказалось, то ли хорошо притворились, добивать, слава богу, никого не пришлось.

Фёдор и Трофимов остановились возле пушек. Это были давно устаревшие, чугунного литья с украшениями в виде сказочных драконов, стволы, заржавшиеся через дуло. Привязанные верёвками, они лежали на деревянных лафетах с огромными колёсами и выглядели не страшно, а скорее смешно.

– Зачем же их тащили к Амуру? – задумчиво спросил подхорунжий. – Чё ли нам готовили гостинец?

– Не готовили, а готовят, к бабушке не ходи, – откликнулся Фёдор. – На Маньчжурский клин нацелились. Боксёры, дьявол их побери! Но у меня другой интерес, за каким лешим эти страшилки понадобились хунхузам. Для грабежей они мало годны.

– Господин сотник!.. Господин подхорунжий!.. – виляя меж возами, примчался Илья Паршин. – Мы с Иваном там такое нашли... Такое!.. – Он пытался руками изобразить что-то необычайное, но не сумел и сник: – Айдайте, гляньте сами.

Илья привёл командиров к большой крытой повозке, на облучке которой сидел Иван, отмахиваясь от подступавших казаков:

– Погодьте, товарищи! Вот придёт Фёдор Кузьмич, он и решит...

Что именно решит отец, Иван не уточнял, но казаки заглядывать в нутро повозки не решались, а топтались возле – кто курил, кто чистил клинок от незасохшей крови, а кто-то с деланным вниманием рассматривал пустынную дорогу: не показались бы нежеланные свидетели.

– Ну и чё тут у вас? – с нескрываемым интересом подошёл Фёдор к сыну, а подхорунжий, не дожидаясь ответа, откинул брезентовый полог.

Откинул и аж присвистнул: прямо в лицо ему глянули две тупые морды иноземных военных зверюг – пулемётов «максим». Редкостные аппараты! Фёдору довелось увидеть один такой вживую на военной выставке в Хабаровске, а с подхорунжим оба рассматривали их на рисунках в «Новостях военной техники», присланных в войско. Там же говорилось про их сумасшедшую убойность. Где только их боксёры раздобыли, и кому они понадобились на российской границе? Уж не замышляется ли нападение с целью захвата Приамурья?

– Вона чё-о... – протянул Фёдор. – А я всё не мог в голову взять: для чего хунхузам обоз спонадобился? Небось и патроны к ним имеются?

– Да всего полно! Почитай, в каждом возу! – заторопился Илья. Ему очень нравилось быть на виду. – Тут ящики с патронами и гранатами, там – бомбы для пушек...

Он говорил правду: все пять повозок были загружены боеприпасами и оружием – вперемешку старым и новым. Пулемётов больше не было, но нашёлся мешок с револьверами – десяток кольтов и три маузера; патроны имелись и для них.

– И чё нам с имя делать? – обратился Фёдор не столько к подхорунжему, сколько к самому себе. Однако Трофимов принял вопрос впрямик.

– Возьмём один пулемёт, револьверы, гранаты, патроны – сколь сможем унести и сколь нам сгодится, а остатнее – схоронить надобно.

– Схорони-ить... Закопать, чё ли? Так у нас и лопат нету – шашками пушки не закопашь.

– Я с гольца озерцо видал, за кривуном... – подал голос Иван.

Он ещё не закончил, а казаки подхватились, забазлали:

– Дело говорит... Утопить – и вся недолга... А коняшек и волов на волю пустить – к кому-нито прибьются...

– Коняшки и нам сгодятся. А трупы с дороги убрать, – завершил галдёж Саяпин. – И товарищей наших, жизнь отдавших службе государевой, похоронить со всеми почестями.

...Да, денёк выпал, не дай бог ещё такой!

С одной стороны, Фёдор был очень недоволен случившимся, в первую очередь собой: поддался вспыхнувшей ярости и раскрыл раньше времени появление русского отряда на вражеской территории. Теперь вот заметай следы не заметай – опытный дознаватель вмиг раскроет картину резни, а власти, само собой, не оставят её без внимания. Тем более, когда с юга, от Пекина, к границе движутся армады повстанцев, а цичикарский цзянь-цзюнь Шоу Шань, то бишь ихний губернатор, люто ненавидит русских и наверняка будет боксёрам всячески помогать. Кстати, не он ли задумал напасть на Россию? Если так, надобно готовиться к защите русского берега. Только вот как сообщить генералу столь важную информацию? Надо бы поскорее добраться до телеграфа, а он имеется на КВЖД. Если ещё имеется.

Единственное, на что есть надежда, – при этаким замесе, что творится в Китае, откуда тут взяться опытному дознавателю?

С другой стороны, Фёдор был очень рад, что атака получилась без потерь да с завидной военной добычей. Волон, конечно, надо отпустить – на радость окрестным крестьянам, – а лошадей загрузить, приторочить на них добытое снаряжение. И на следующем привале с оружием разобраться по всей кондиции, чтобы в случае нужды пустить его в ход.

9

В жаркий четверг 21 июня отряд Саяпина вышел к посёлку строителей железной дороги неподалёку от городка Хурхура.

Позади были три дня пути по отрогам Малого Хингана, по таёжным тропам и каменным осыпям, через ручьи, речки и зыби-трясины. Были беспокойные привалы у костров и тревожные сны вполглаза на лапнике. Навьюченные оружием и боеприпасами лошади, оставшиеся от погибших казаков и благоприобретённые у боксёров, двигались тяжело и не позволяли идти рысью даже там, где возможно.

Накапливалась усталость, но никто не жалобился, да и как иначе? Казаки – служилый народ, обязаны переносить все невзгоды и напасти, а Фёдор к тому же отбирал самых крепких и надёжных и был уверен в них, как в самом себе. Даже в Ильке Паршине, казачке мелком и суматошном, но жилистом и преданном службе до последнего вздоха.

Небольшие городки Мэрген и Бутха остались далеко в стороне, а мелкие поселения, вроде того же Сахаляна, казаков не интересовали. Их население, конечно, могло присоединиться к боксёрам, потому как именно у него железная дорога отнимала землю и работу – и маньчжуры, и китайцы в этих краях были носильщиками и занимались извозом, – но малое число обездоленных, как думал Фёдор, опасности не представляло.

Однако то, что произошло в этот июньский день, резко переменяло его отношение ко всему, что творилось в Китае.

На последнем перед посёлком привале сотник объявил, что отряду больше не надо таиться, поскольку на железке хозяйствуют русские люди, и они будут только рады приветить казаков. Полусотня взбодрилась, привела в порядок снаряжение, почистила оружие, а на подходе к посёлку Илька Паршин вдруг затянул:

Слава вам, братцы, герои амурцы,
Слава лихим казакам!

Полусотня дружно подхватила, на разные голоса да с присвистом:

Слава и честь пионерам Востока,
Слава Амура сынам!

Казаки приосанились, подкрутили усы – и тут перед ними открылась улица с потемневшими от погоды одинаковыми деревянными бараками по обе стороны и множеством бестолково бегающих и что-то кричащих людей.

Ехавший впереди Саяпин поднял руку – колонна остановилась, песня смолкла. Казаки всмотрелись в уличную кутерьму и как-то сразу все и всё поняли: это бесчинствуют боксёры.

В посёлке свирепствовал настоящий погром. Несколько сотен китайцев, вооружённых чем попало – от палок, вил и копий до кремнёвых ружей и таких же пистолетов, – подвалили откуда-то с юга и начали уничтожать всё подряд. Разворотили уже готовое полотно дороги, сбросили с рельсов несколько пустых вагонов – на гружённые стройматериалами платформы и на два паровоза, видимо, сил не хватило; перебили стёкла и разломали мебель в станционных постройках, изрубили телеграфные аппараты и вот добрались до жилого посёлка. Полтора десятка рядовых Охранной стражи во главе со старшим вахмистром – все в синих шароварах и, несмотря на жару, в чёрных куртках – и человек двадцать служащих КВЖД противостоять им не могли – сил хватало лишь на то, чтобы прикрывать семьи инженеров и техников, изгнанных из домов возле станции.

Повстанцы поначалу давили на отступающих криками и угрозами (стража не имела разрешения применять оружие, она лишь выставляла штыки), но в какой-то момент ярость боксёров выплеснулась выстрелом в стражника – тот упал, обливаясь кровью, обе противостоявшие толпы сразу рассыпались кто куда, и выстрелы загревели – вразной, но часто.

Отряд Саяпина появился неожиданно для обеих сторон. Казаки, помня о погибших товарищах и мстительной резне на колесухе, не стали дожидаться команды – они прищипорили коней, схватились кто за карабин, кто за шашку и врезались в беспорядочные скопления повстанцев. Стволы винтовок выплеснули огонь, клинки уподобились молниям – пошла веселуха!

– Стража, в атаку! Ура-а! – закричал моментально оценивший обстановку вахмистр, и его крик подхватили не только подчинённые, но и гражданские служащие.

Многие повстанцы бросились наутёк, но нашлись и такие, которые, истратив заряд кремнёвого ружья, превращали его в дубину, отбивая удары шашек и стараясь попасть прикладом в лошадиную голову. Кони всхрапывали, вставали на дыбы, но казаков, с малолетства приученных к седлу, сбить на землю было невозможно, и сверкающие клинки то там, то тут врезались в руки, плечи, спины боксёров, высекая ярко-красные струи. Получивший удар спотыкался, падал и уже был не опасен, даже если и шевелился.

Иван шашку из ножен не вынимал – не мог себя заставить рубить живое и незащищенное перед беспощадным лезвием существо. Стрелять – совсем другое дело. Он ходил с отцом на охоту и стрелял по лосям, изюбрям, кабанам, однажды и тигра положил. И сейчас выпускал пулю за пулей – по тем, кто сам поднимал ружьё или копьё, – с какой-то невероятной скоростью перезаряжая карабин. Злобы к ним он не чувствовал, не то что к хунхузам, – просто пришёл на помощь попавшим в беду соотечественникам, однако и жалости к падавшим под выстрелами не испытывал – помнил, что они тоже не божьи овечки.

...Скоро всё было кончено. При том невообразимом избиении с выстрелами, криками и свистом не столь уж и много оказалось убитых – раненых гораздо больше. Остальные повстанцы разбежались.

Среди казаков пострадавших не было, погибли несколько строителей и служащих дороги. Их прибрали оставшиеся в живых.

– Трофимов, займись боксёрами, убитыми и ранеными, – приказал сотник.

– А чё имя заниматься? Чё заслужили, то и получили, – попытался отмахнуться подхорунжий.

– Ты это, Прохор, брось. Всё ж таки люди, а не крысы.

– Дак они хужее крыс, Фёдор.

– Да, ведут они себя не по-человечески, – подошёл к ним путеец в куртке инженера, загорелый до смуглости, высокий и широкоплечий. Возраста примерно равного с Фёдором, но в чёрных волосах полно седины. – Начальник станции Вагранов Василий Иванович, – представился он и продолжил, обращаясь к Трофимову: – Но мы не должны им уподобляться. Я дал своим указание собрать и захоронить убитых. Жара, понимаете, оставлять непогребённые трупы опасно для живых.

– Слышал, Прохор? Давайте подмогните.

Подхорунжий козырнул и ушёл.

– Помощник мой, Трофимов Прохор Степанович. Подхорунжий, – пояснил Фёдор. – Я – Саяпин Фёдор Кузьмич. Сотник. Направляемся в Сунгари, к генералу Гернгроссу. У вас по пути оказались.

– Очень вовремя по пути оказались, – сказал Вагранов, протягивая руку. – Уж и не знаю, что бы мы делали без вас. Позвольте от лица всех спасённых выразить вам и вашему отряду нашу горячую признательность.

– Да ладно, чё там. Али мы не русские? – Фёдор пожал крепкую сухую ладонь. – Вагранов, говорите? Фамилия мне ваша знакомая. Непривычная фамилия. Отец, помнится, сказывал про офицера при графе Амурском с такой фамилией. Родителям моим помог с венчанием.

– Да, мой отец служил у генерал-губернатора порученцем. А ваш, тоже припоминаю, один из первых амурских казаков. Отец говаривал про двух друзей-казаков...

– Вася! Василий Иванович! – подходя, прервал Вагранова молодой мужиковатый человек в куртке с петлицами строителя. – С тобой всё в порядке?

– В порядке, в порядке. Познакомьтесь, Фёдор Кузьмич: мой младший брат Дмитрий. А это, Митя, наш спаситель сотник Саяпин.

Фёдор и Дмитрий обменялись рукопожатием.

– Вы так появились, что невольно поверишь в Божью помощь, – с чувством сказал младший Вагранов. – Хотя Богу вряд ли было дело до нас.

Братья, а совсем непохожие, подумал Саяпин. На усмешливые слова Дмитрия о Боге не обратил внимания: мало ли кто и как относится к Всевышнему, был бы человек хороший...

– Что будем делать, Василий? Медлить нам никак нельзя! – не дал ему додумать Дмитрий. – Боксёры обязательно вернутся.

– Да, конечно, – заторопился начальник станции. – Фёдор Кузьмич, есть срочные новости из Сунгари. Надо нам собраться и обсудить.

Нам – это кроме Фёдора и братьев командир охраны старший вахмистр Николай Бояркин, подхорунжий Трофимов и глава китайской строительной артели Лю Чжэнь. Ихэтуани избивали, а то и убивали китайцев, которые пошли работать к русским на строительстве железной дороги, они считали их подлыми предателями Поднебесной империи. Рабочие, в свою очередь, ненавидели повстанцев. Поэтому участие Лю Чжэня в совещании было отнюдь не лишним.

Посылали ещё за электротелеграфистом – тоже не рядовой служащий, – но тот был убит, защищая телеграфную аппаратуру.

Собрались в разгромленном кабинете начальника за уцелевшим столом. Сидели на том, что удалось подобрать по комнатам, – кто на стуле без спинки, кто на скамье, кто на табуретке с обломком доски вместо сиденья.

Василий Вагранов коротко и чётко рассказал о сложившейся на утро 21 июня ситуации в Китае и вокруг КВЖД.

Ихэтуани обложили почти всю Порт-Артурскую линию железной дороги и теперь надвигаются всей массой на Западную. Однако руководство КВЖД и министерство иностранных дел России почему-то считают, что боксёры не посмеют развязать настоящую войну с русскими.

– Но вот последняя новость, – криво усмехнувшись, сказал начальник станции. – Телеграфист успел принять свежайшую. Сегодня утром цинское правительство объявило войну всем государствам, чьи войска в том или ином виде находятся на китайской территории. Получается, что и России. Императрица Цыси подписала «Декларацию о войне», в которой напрямую поддержала повстанцев. – Вагранов вынул из внутреннего кармана сюртука сложенный вчетверо лист бумаги с иероглифами, развернул и прочитал:

– «Иностранцы ведут себя агрессивно по отношению к нам, нарушают нашу территориальную целостность, топчут наш народ и забирают силой нашу собственность... К тому же они... богохульствуют над нашими богами. Поэтому отважные последователи-ихэтуани сжигают церкви и убивают христиан».

Фёдор Саяпин крякнул от неожиданности, подхорунжий шёпотом выругался, а Дмитрий Вагранов громко сказал:

– Нашим миролюбцам – наука. А боксёры – идиоты, с кем связались! С кровавой императрицей! Коготок увяз – всей птичке пропасть.

– Я вообще-то крайне удивлён «Декларацией», – сказал Василий Вагранов. – Я проследил весь путь Цыси, она все сорок лет своего правления стремилась приобщать древний Китай к европейской культуре, и вдруг такой поворот.

– Александр Первый, Благоденный, слыл либералом, окружил себя прогрессивными людьми, а батюшку, то бишь императора Павла Первого, убил, – усмехнулся Дмитрий. – Какой, однако, поворот! Не-е, не зря Цыси слывёт кровавой.

Вахмистр вскинулся было против явного вольномыслия, но под суровым взглядом Василия стушевался, развёл руками и снова аккуратно примостился на стуле без спинки.

– Вернёмся к нашим баранам, – продолжил начальник станции. – Главный инженер КВЖД господин Югович ещё два дня назад призывал соблюдать порядок и не поддаваться панике. Но опять же сегодня утром, до нашествия, мы получили телеграмму о подготовке эвакуации. Все участки дороги к западу от Цицикара должны сняться и двигаться к Забайкалью, к Цурухайтую. Нам тоже полагалось следовать туда, но есть сведения, что соседняя станция Турчиха захвачена боксёрами и китайскими войсками, а это значит, что путь на запад нам закрыт, остаётся идти к Сунгари. Поскольку Россия формально теперь находится в состоянии войны, не исключено, что маньчжурские цзянь-цзюни двинут подчинённые им вооружённые силы на захват имущества и самих служащих КВЖД. Не скажу за всю дорогу, но мы надеемся лишь на Охранную стражу, то есть на вас, старший вахмистр Бояркин, и теперь на казаков сотника Саяпина.

Называя фамилии, Вагранов уважительно наклонял голову в их сторону. Старший вахмистр Бояркин вскочил и щёлкнул каблуками, а Фёдор кивнул и сказал:

– Гимизить некогда. Боксёры очухаются и вернутся. И тогда нам несдобровать.

– А я о чём говорю? – вмешался Дмитрий. – Несдобровать! – И ухмыльнулся.

Фёдор сурово глянул на него:

– Чё тут смешного?

– Я не смеюсь, а печалюсь, – Дмитрий посмотрел в упор – глаза в глаза: – Боксёры рушат свою империю, а русские – рабы такой же империи – им пытаются противостоять. Правильно, что нам несдобровать. Надо уходить как можно быстрее!

Фёдор покачал головой:

– Непростой, однако, вы парень. – И закончил: – Объявляйте срочно сборы.

– Да, – подхватил Василий Вагранов. – Надо составить эшелон. Пяти вагонов хватит, как думаешь, Митя?

Ясно было, что он пытается сгладить впечатление от неуместной речи брата.

– На рельсах остался один пассажирский, – хмуро сказал Дмитрий. – Придётся поднимать сброшенные или разгружать уцелевшие. Причём вручную – мотокран разбит.

– Ежели цицикарский цзянь-цзюнь против русских... – начал Бояркин, но Дмитрий бесцеремонно и грубо перебил его:

– Ты что, не понял?! Ещё как против! Они же все друг за друга! Василий, что там было написано в китайской листовке? Кто-то расклеил на стенах их дацзыбао, – пояснил он Фёдору, тем самым как бы признавая его старшинство и своё подчинение.

Начальник станции достал из кармана мундира ещё один листок с иероглифами и прочитал:

– «Если вы, грязные собаки, не уберётесь сами с нашей земли, высокочтимый цзянь-цзюнь Шоу Шань сровняет с землёй порт и город Сунгари, уничтожит всех русских и победоносно войдёт в Хабаровск». Это – в дацзыбао. А дня три назад Шоу Шань уверял нашего главного инженера, что объявил мобилизацию в своей провинции для охраны русских от мятежников.

– Вот сука! – сказал Трофимов и сплюнул в угол, заваленный обломками мебели. – Близирник! Куда ни глянь – сплошная врань.

– До Хабаровска у него руки короткие, а Сунгари напакостить может, – вздохнул Фёдор. – Но у меня, Василий Иванович, на уме другое. Цицикар – столица провинции, и китайских войск там что блох на дворняге. Эшелону нашему не прорваться, надобно в обход. Собрать по округе лошадок, найти проводника и идти караваном. Долго, трудно, однако надёжней, чем приехать прямо в лапы этого Шоу Шаня.

– Не скажите, – возразил Дмитрий. – Сами говорите: нужен проводник. А где гарантия, что он не приведёт нас напрямик к боксёрам? Даже наши рабочие-китайцы, и те косятся, хотя им от боксёров тоже не поздоровится. Прости, Лю Чжэнь, речь не о тебе.

– Но и помощи нам ждать неоткуда, – подал голос вахмистр – Стражников на участках слишком мало, и оружия хорошего тоже нет. Я полагаю, что охранный гарнизон Цицикара станцию держит, и нам надо лишь до него добраться...

– Мозоно саказать? – неожиданно прервал вахмистра китайский артельщик.

– Слушаем вас, господин Лю, – подчёркнуто вежливо отозвался Василий Вагранов.

– Цюани убивают восех, кото с лусскими. Спасити нас мозет толико Сунгали. Лю Чжэнь поидёт в Анъанси чженча... лазаведать. Лю Чжэнь не чумай... не пеледавать... не пледавать... Лю будет чжусянбинь, доболоволец.

– Чё за Анъанси? – насторожился Фёдор. – Нам в Цицикар надо.

– Анъанси – это станция Цицикара, – пояснил Василий. – Сам город в двадцати пяти верстах от неё. Так по плану.

– По плану – значит, по плану. А китаец дело говорит. – Фёдор хлопнул Лю Чжэня по плечу, да так, что тот согнулся. Но не испугался, а закивал, понимающе заулыбался. – Пушай сходит вкрадче. А покуда разведывает, соберём всё, что вывезти надобно, загрузимся. И оборону соблюдем, само собой.

Возражений не последовало. Василий Вагранов и Фёдор, говорящие по-китайски, подробно разъяснили Лю Чжэню, что именно требуется разузнать на станции. Василий хорошо помнил схему путей, нарисовал, как расположены рельсы и какие стрелки перевести, чтобы открылся сквозной путь.

Проводив китайца, Фёдор покачал головой:

– Думаете, проскочим?

– Они же не ожидают от русских такой наглости, – усмехнулся Василий. – Путь от нас идёт под уклон к реке Нэньцзян, там большой мост, за ним начинается посёлок при станции. Если боксёры путь не разобрали, то Лю Чжэнь стрелки выставит как надо, он мужичок головастый. Выйдем в ночь и пролетим, как на крыльях. Так что давайте займёмся своими делами. Вы с Бояркиным – охраной, а мы с Дмитрием – всем остальным.

10

22 июня, на следующий день после объявления войны всем странам, чьи войска находились на территории Китая – то есть Англии, Франции, Германии, России, Северо-Американским Соединённым Штатам, Италии, Японии и Австро-Венгрии, – несколько тысяч боксёров и солдат окружили железнодорожные бараки Ляояна, станции Южно-Маньчжурской железной дороги, проще говоря, Южной ветки КВЖД.

О приближении китайцев русские были предупреждены почти за час до нападения, и поэтому в бараках успели собраться служащие с семьями и стражники, командовать которыми взялся глава охраны Порт-Артурской линии полковник Мищенко. Он приехал со станции Телин на мотодрезине в сопровождении пятерых подчинённых – с проверкой боеготовности поста охраны. По всем участкам КВЖД накануне прошла концентрация отрядов стражи, прежде расплывённой вдоль дороги. Теперь их сосредоточили на важных опорных точках. Вот и в Ляоян стеклись группы стражников из ближайших мелких станций и разъездов. Набралось двести человек. Вооружение – винтовки Бердана с двумя десятками патронов в подсумке, револьверы Кольта и шашки против тысячных толп боксёров, поддержанных солдатами регулярных войск, – как говорится, не ахти, но что поделаешь, придётся воевать с таким.

Гражданские – сто сорок служащих с семьями и десяток китайцев-строителей – вообще безоружны, не считать же за оружие несколько охотничьих двустволок и ножей. Но чтобы они не чувствовали себя обузой для военных, которые будут их защищать, полковник решил занять их полезными делами. Необходимо было обеспечить по возможности личную безопасность, в первую очередь – детей и женщин. В двух соседних бараках были полуподвалы. В них и разместили семьи, собрав туда матрасы, подушки, одеяла и вообще всё мягкое, что могло служить подстилкой на сыром и холодном полу.

Учитывая, что бараки были бревенчатые, и боксёры могли попытаться их поджечь, Мищенко приказал устроить вокруг что-то вроде баррикад – из различного металлического лома, тачек, тележек, даже неиспользованных рельсов. Исполнять бросились служащие КВЖД и китайцы-строители.

На чердаки он отправил лучших стрелков, строго-настроено наказав беречь патроны и отстреливать командиров и наиболее активных повстанцев.

– Господин полковник, ваше высокоблагородие, – подбежал вахмистр Одинокоев, из местной охраны, – что делать с лошадьми?

– Какими лошадьми? – не понял Мищенко.

– Строительными. Их тут целая конюшня. Не оставлять же боксёрам.

– Лошади могут нам понадобиться, – раздумчиво сказал полковник, – если удастся эвакуироваться. Загоните их в третий барак и запирайте как следует. Да задайте корма и воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.